

АНАСТАСИЯ ТЬЮДОР

Ребенок
ЕГО ЛЮБОВНИЦЫ

Современный любовный роман

18+

Анастасия Тюдор
Ребенок его любовницы

«Автор»

2024

Тьюдор А.

Ребенок его любовницы / А. Тьюдор — «Автор», 2024

Муж изменил мне и ушел к беременной любовнице. Я смогла собрать себя по кусочкам и сделала попытку начать все с чистого листа. Но за несколько дней до развода муж обратился ко мне за помощью. Его любовница умерла во время родов, и он остался с новорожденным сыном на руках. А я оказалась перед сложным выбором: вычеркнуть предателя из своей жизни или помочь, став временной матерью ребенку его любовницы.

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
5	12
6	14
7	17
8	19
9	21
10	23
11	25
12	28
13	32
14	35
15	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Тьюдор

Ребенок его любовницы

1

– Чего тебе, Ветров? – принимаю, наверное, десятый вызов от бывшего мужа. Ну, почти бывшего, развод у нас через восемнадцать дней.

– Ксюш, – хрипит Руслан в трубку. Я хмурюсь. Странный у него голос, безжизненный какой-то. – Ксюш, прости, что позвонил, но...

– Если ты по поводу машины, то не переживай, покупатель найден, послезавтра сделка. Я же писала тебе об этом.

– Нет... Нет, Ксюш... Лида умерла.

Я машинально ставлю кружку с утренним кофе на стол. Лида – беременная любовница Руслана, к которой он, собственно, от меня и ушел месяц назад. После того как эта самая Лида прислала мне с десяток «горячих» фотографий с участием моего мужа. А в качестве вишенки на торте эта девушка приложила еще одно свое фото, свидетельствующее о том, что мой Руслан через несколько месяцев станет счастливым папой.

– Что случилось? – севшим голосом спрашиваю я.

– Роды... преждевременные. Открылось кровотечение, и врачи ничего не смогли сделать, – каждое слово дается Руслану с трудом, я слышу его тяжелое дыхание.

– А ребенок?

– Я потому и звоню тебе. Ксюш, помоги мне. Я умоляю, помоги...

Трясу головой, ловлю в зеркале свое отражение. Кажется, круги под глазами стали еще темнее. Кусаю губы, не зная, что ответить.

А в груди словно все судорогой сводит.

Этот месяц дался мне тяжело. В один миг моя счастливая, почти идеальная жизнь рухнула без права восстановления. Предательство любимого человека. Крах всех планов и надежд. Мерзкое, гадкое чувство использованности. Бессонные ночи и существование на автомате: встать с постели, приехать на работу, дожидаться окончания дня, вернуться домой и вновь забраться под одеяло. В перерывах – редкие приемы пищи и еще более редкие телефонные разговоры с родителями и подругами.

А сейчас...

Руслан просит о помощи, а я молчу, не в силах выдавить из себя даже маленькое словечко.

– Ксюш... – еле произносит вновь, но затем его голос хоть и дрожит, но становится громче: – Пожалуйста, приезжай. Мне больше некого просить о помощи.

И я сдаюсь.

– Где ты?

2

Пятый роддом с виду оказывается совершенно не примечательным зданием. Серая пятиэтажная коробка с однотипными окнами, большая часть из которых сейчас распахнута из-за тридцатиградусной жары. Перед входом раскинулся небольшой сквер с деревянными лавочками и почти высохшими клумбами, то и дело по дорожкам сквера снуют люди: врачи, медсестры, беременные, их родственники.

Я выхожу из такси и сразу вижу Руслана. Он стоит чуть вдали от главных дверей роддома. Прислонился к колонне и курит, уставившись перед собой пустым взглядом.

Протягиваю таксисту деньги за поездку и нервно одергиваю подол своего сарафана. Наверное, белое платье с алыми розами – не самый удачный выбор в сложившейся ситуации, но об этом я догадываюсь только сейчас.

Похолодевшими пальцами цепляюсь за ремешок сумки и иду к Руслану. Он меня не видит, его лицо обращено в другую сторону, и я пользуюсь этой возможностью, чтобы разглядеть его.

За тот месяц, что мы не виделись, Ветров ни капли не изменился. Высокий парень с правильными чертами лица и в превосходной физической форме. Темные волосы коротко подстрижены, одет в светлые джинсы и просторную футболку. Может сойти за спортсмена, если бы не сигарета в руке.

Руслан оборачивается на стук моих каблучков и облегченно выдыхает. Я вижу, как по его лицу пробегает тень вины, но он быстро берет себя в руки. Кивает на мое тихое приветствие и тянется, чтобы взять меня за руку, но я прячу ее за спину и делаю шаг назад.

– Ну, я здесь, – говорю очевидное, глядя в когда-то любимые карие глаза.

Хотя, что уж душой кривить. До сих пор любимые. Сердцу не прикажешь, за несколько дней человека не вычеркнешь. Особенно когда любил этого человека пять долгих лет.

– Спасибо, – тихо произносит он. Отводит взгляд в сторону, достает из пачки новую сигарету и прикуривает. – Я боялся, что ты передумаешь.

– Я пообещала. А я всегда держу свое слово, – напоминаю гораздо резче, чем хотела бы. – Чем я могу тебе помочь?

– Нужно встретиться с врачом Сашки... – он запинаясь, делает еще одну затяжку и на выдохе добавляет: – Я так сына назвал.

Сын. У Руслана теперь есть сын. В груди – словно черная дыра, покрытая ледяной коркой. Делаю усилие и киваю, а затем сразу же хмурюсь:

– А я здесь причем? Я думала, тебе с документами нужно помочь или с организацией похорон...

– Это я сделаю сам, – торопится пояснить Руслан. Прищуриваюсь, видя, как он нервничает. Его губы дрожат, от волнения он начинает проглатывать окончания слов и дальнейшее сказанное им я понимаю далеко не сразу: – Ксюш, у меня неделя отпуска осталась, а потом на работу нужно выходить. Я узнал, меня могут перевести на дистанционку, но для этого нужно завалы кое-какие разгрести, а это месяц-два.

Я моргаю и мысленно считаю до трех. До меня начинает доходить, зачем Ветров меня позвал, но разум все еще отказывается обрабатывать эту информацию.

Видимо, на моем лице отразились все переживаемые мной эмоции, потому что Руслан тушует и замолкает. И я впервые за семь лет нашего знакомства и пять лет брака вижу, как в его глазах блестят слезы.

Но меня это не останавливает. Внутри поднимается волна гнева, и она вот-вот снесет все на своем пути.

– Ты собираешься повесить на меня своего ребенка? – шиплю я сквозь зубы, а руки сами собой сжимаются в кулаки.

3

– Ксюша...

– Нет. Заткнись, Ветров! – кричу, вмиг потеряв контроль. На нас оборачиваются люди, но мне плевать. – Ты совсем охренел? Ты... Ты... Господи, я ушам своим не верю! Как тебе в голову пришло позвонить мне с просьбой нянниться с твоим ребенком от другой женщины?!

– Потому что я в отчаянии! – рывкает он. Стыд, вину, нерешительность смывает с его лица в одно мгновение. – Я не знаю, что мне делать!

– Матери позвони! Все бабушки обожают внуков!

Руслан мрачнеет. Поджимает губы и неохотно отвечает:

– Она отказалась.

– А я значит должна согласиться? – Выставляю руки перед собой и начинаю пятиться назад, мотая головой. – Нет, Ветров. Я была готова помочь с некоторыми организационными моментами, черт, да даже просто поддержать, но это...

– О, ну конечно! Рассказывай! Ты пришла поплясать на могиле соперницы, а не меня поддержать! – выплевывает он.

За секунду я преодолеваю расстояние, разделяющее нас, и отвешиваю пощечину. Звон от нее, мне кажется, разносится по всему скверу. За моей спиной кто-то охает, справа в воздух взмывает небольшая стая голубей. А Руслан прижимает ладонь к алой щеке и растерянно смотрит на меня, словно не веря в то, что я его ударила.

Мои руки дрожат. Как и губы, и колени, и все тело. Меня колотит озноб, а на глаза наворачиваются злые слезы.

Как он смеет? Как он может думать, что я приехала... Радоваться?

Как бы больно его Лида мне не сделала, я не такой человек, чтобы радоваться ее смерти. И черт возьми, я не могла полностью и безоговорочно винить в развале семьи только ее! Руслан – не теленок, которого можно на веревочке со двора увести. Прекрасно понимал, что делает и какие последствия будут.

– Прости, – шепчет Ветров, глядя мне в глаза. – Прости, я не должен был такое говорить. Нервы ни к черту, я... Вспылил.

– Я поехала, – цежу сквозь зубы и разворачиваюсь на каблуках, но запястье сначала обжигает огнем, а затем сковывает металлическим обручем.

Смотрю на свою правую руку и сглатываю. Руслан держит меня за руку. Крепко. Сильно. Мне кажется, что мои кости вот-вот начнут крошиться под его пальцами.

Это слишком тяжело. Происходи подобное на страницах любовного романа, героиня затрепетала бы, вспомнив ночи любви и дни радости со своим мужем. Но все это – болезненная реальность. И я действительно испытываю не только физическую боль от этой хватки, но и душевную.

Грудную клетку словно перемальвает огромный блендер. Сердце превращается в кашу, перестает биться. Кровь стынет, тело деревенеет. Но сознание по какой-то причине остается ясным, каждая мысль в моей голове – отчетливая, пусть и запачканная шквалом эмоций.

– Отпусти меня, Ветров, – с угрозой произношу я, не поднимая головы. Почему-то мне становится страшно встречаться с ним взглядом.

– Ты можешь ненавидеть меня. Лиду. Но это ребенок, Ксень. Крошечный малыш, который остался без матери.

– У ребенка есть отец. Ты у него есть, Ветров. А меня оставь в покое.

– Ксюша... – в голосе Руслана столько отчаяния, что мое сердце замедляет свой бег. Словно прислушивается и пытается понять, как ему реагировать на боль когда-то очень близ-

кого человека. – Хочешь, я на колени встану? Я готов, Ксень. Я все что угодно сделаю сейчас. Вот, смотри.

И он действительно падает на колени, так и не выпустив мою руку из своей хватки. Я чувствую, как к щекам приливает кровь, как на нас снова устремлены взгляды окружающих. Даже чертовы голуби облетели роддом и вновь расселись на земле, развернув к нам свои головы.

– Я мерзавец, Ксень. Я тебя предал и растоптал. Обманул твое доверие и поступил как настоящий трус. И судьба жестоко мне за тебя отомстила, ты же видишь... Как угодно можешь наказать меня, но...

– Но сначала помоги? – хрипло смеюсь я. Происходящее все больше кажется мне каким-то странным фильмом. Сопливой мелодрамой, от которых меня обычно тошнит.

Вот и сейчас к горлу подкатывает приступ тошноты. В животе закручивается узел, мне больно дышать, я судорожно тяну воздух носом.

– Месяц. Максимум два, – продолжает уговаривать Руслан.

– Ветров, найми няню! – я уже кричу во весь голос и дергаю руку, но бесполезно. Руслан выпускает мое запястье, но вместо этого обнимает за талию и прячет лицо, залитое слезами, у меня на животе.

Боже, какой стыд.

Все смотрят на нас. Непроизвольно краснею, появляется неловкость. Нет никакого морального удовлетворения от того, что Руслан стоит передо мной на коленях.

Он сломан. Для кого-то – жалок. А для меня... Для меня это все невыносимо.

Дура.

Зачем приехала?

Добренькая такая? Поддержать вздумала? Помочь?

Пожинай теперь плоды своей сердобольности, Ксюша.

Я наивно полагала, что разведусь с человеком, разбившим мое сердце, и пойду дальше, своею дорогой. Нам нечего делить, детей нарожать не успели, от общих друзей я могла с легкостью отказаться, чтобы не ставить их в неловкое положение и не заставлять выбирать, чью сторону в этом конфликте они займут.

Но жизнь – жестокосердечная сука.

– Ксень, – шепчет Ветров. Еле слышно, но я способна различить каждый звук. – Я больше никогда не попрошу тебя ни о чем. Я клянусь, исчезну из твоей жизни навсегда! Только помоги. Умоляю, Ксень.

Закрываю глаза. Сглатываю вязкую слюну и будто со стороны слышу свой лишенный эмоций голос:

– Хорошо.

4

– Ну и дура же ты, Ксюха! – качает головой Аня, разливая белое вино по бокалам.

– Спасибо за поддержку. – Нож противно скрипит по доске, соскользнув с куска сыра, который я нарезаю. – Это именно то, что мне нужно сейчас услышать.

– А что мне нужно было сказать? Руслан тебя много месяцев за нос водил, любовницу обрюхатил, а ты и рада ему помочь, – возмущается подруга, со стуком поставив бутылку на стол.

– А как бы ты поступила, Ань? – оборачиваюсь и смотрю подруге в глаза. Она лишь качает головой:

– Послала бы на три веселых буквы. Он бросил тебя. Ушел, понимаешь? Его проблемы больше не твои.

– Я не могу назвать случившееся проблемой.

– А как все это называть?

– Не знаю, – пожимаю плечами и возвращаюсь к нарезке сыра. – Трагедией?

– Ты слишком добра, Ксюш. И Руслан, зная это, воспользовался.

Я молча выкладываю кубики сыра на тарелку, пересыпаю из пакета горсть орехов и ставлю рядом пиалу с медом. Нехитрая закуска занимает свое место рядом с бокалами, а я устало опускаюсь на стул и откидываюсь на спинку.

– Он был в отчаянии. Плакал, Ань.

– Ой, все они плачут, когда жареным пахнет. Сколько историй о возвращении блудных мужей, ползающих на коленях перед обманутыми женами?

– Ветров не просил меня вернуться.

– Это пока.

Я беру бокал и делаю маленький глоток. Вино терпкое, с легкой кислинкой. И сразу бьет в голову.

– Что ты имеешь в виду?

– Лишь то, что Руслан сейчас посмотрит на Ксюшу-маму и начнет вымаливать прощение, – сурово сдвигает брови Аня.

– Я просто помогу ему. Присмотрю за ребенком, пока он будет улаживать проблемы на работе.

– Пусть в декретный отпуск идет. Отцам его тоже дают.

– Ему невыгодно. Зарплата в конверте.

– Слушай, а у этой... Лиды... Родственники же у нее какие-то есть?

– Какие-то есть, – пожимаю плечами, вновь отпивая вино. – Руслан их не знает. А родители ее погибли четыре года назад в пожаре.

– Ну прям со всех сторон обложили, – с досадой цедит Аня. – А Ольга Михайловна что?

– Только услышала просьбу и бросила трубку. Я ей тоже звонила, когда домой ехала, она не отвечала.

– Странно это. Неужели родного сына в беде бросит?

Я молча уставилась в окно. Ольга Михайловна, моя пока еще свекровь, узнав об обмане Руслана, заняла мою сторону и всячески поддерживала. Правда, сначала пыталась убедить, что Ветров просто оступился и ему нужно дать время на одуматься, но я и слышать ничего не хотела. Речь ведь шла не о разовой измене, которую, возможно, я и смогла бы простить. Не знаю. Никогда не думала об этом.

Он обманывал меня десять месяцев. Врал о командировках и загруженности на работе. Классика.

И когда я, давясь слезами, проорала свекрови в лицо, что для меня ее сын умер... Она вздохнула, крепко обняла меня и заплакала. А после заявила, что я всегда могу на нее положиться и, несмотря ни на что, все равно останусь для нее дочерью.

– Хорошо, ну няню же всегда можно нанять, Ксюш! – машет рукой подруга и тут же сдавленно ругается, потому что несколько капель вина проливаются на ее платье.

Я устало вздыхаю. Понимаю, что подруга пытается меня образумить, переживает и волнуется, но этот разговор все больше скатывается в сторону допроса. Но все же беру себя в руки и спокойно отвечаю:

– Сейчас все деньги придется потратить на организацию похорон. Ань, я предлагала няню. И Руслан пообещал, что если не уладит все за месяц, то воспользуется услугами агентства и подберет хорошую девушку. Но это дело не пяти минут.

– Ты к нему переедешь? – осторожно интересуется Аня. Я смотрю на подругу и ловлю ее обеспокоенный взгляд.

– Нет. Я не смогу жить в квартире, где он... Где он... – замолкаю, не в силах продолжать, но Аня все понимает. Кивает и облегченно выдыхает:

– Слава богу, что ты хотя бы на своей территории будешь. В любой момент сможешь ему на дверь указать.

– Ань, это всего на несколько недель, – зачем-то успокаиваю я подругу, хотя у самой внутри все натягивается от напряжения, как струны на гитаре.

– Я боюсь, что ты привяжешься к ребенку, Ксюш, – качает головой она.

– Не привяжусь, – категорично заявляю, искренне веря в то, что говорю правду.

Это *ее* ребенок. *Их*. Я никогда не буду относиться к нему с теплотой.

Что чувствует женщина, когда узнает, что муж ей изменяет?

Я не знаю. Не могу говорить за всех женщин. Но знаю, что чувствовала я.

В тот самый момент, когда перед глазами доказательства. В тот миг, когда правда – перед тобой, и от нее никуда не деться.

Сначала внутри холодеет. Становится сложно вдохнуть. Невозможно выдохнуть.

И боль, как и воздух, не выходит. Она нарастает, разбухает, увеличивается и затапливает все тело.

Руки начинают дрожать. Перед глазами все расплывается.

А потом на тебя падает небо.

Наверное, это похоже на погружение под воду, на глубину, без маски и кислородных баллонов. Хлопаешь глазами, моргаешь, но ничего не видишь. В ушах шумит, исчезают все звуки, кроме невыносимого гула.

А потом ты совершаешь ошибку – вновь пытаешься сделать вдох, – и захлебываешься слезами.

Что чувствует женщина, когда узнает, что муж ей изменяет?

Сначала она попадает в ад. Проходит даже не девять, а девяносто девять кругов, не зная, что ее ждет в конце пути. А потом приходит пустота.

И самое страшное... Я не знаю, как ее заполнить.

5

Спустя четыре дня Руслан переступает порог нашей... моей квартиры с сыном на руках. Ребенок завернут в легкую пеленку, на голове тоненькая шапочка. Я забираю его у Ветрова, дав возможность бывшему разуться и занести в зал пакет с вещами.

Вчера были похороны Лиды. Я, естественно, на них не поехала. Во-первых, ждала курьера с кроваткой и разными мелочами для ребенка. Во-вторых... Меня там никто и не ждал.

– Думаю, здесь вам будет удобно, – говорю я Руслану, пропуская его в зал. – Кроватку я застелила, все вещи постираны и разложены. Подгузники в верхнем ящике комода, смесь здесь. Врач сказала, что это лучший вариант для недоношенных детей.

– Спасибо, – глухо отвечает он. Ставит пакет возле дивана, на котором лежит стопка постельного белья и подушка.

– Ночью ребенок на тебе, – добавляю я, хотя мы уже обговаривали этот момент. – Документы ты все сделал? Завтра медсестра из поликлиники придет.

– Да, вот, в этой папке.

Он достает папку из пакета и протягивает мне. Возникает неловкая пауза, ребенок все еще у меня на руках. Руслан кладет документы на комод и забирает сына. Неловко переминается с ноги на ногу, словно не зная, что ему делать.

Вздыхаю.

– Положи его пока в кроватку, не будить же. Еда в холодильнике, а я пошла работать.

– Спасибо, Ксень, – летит мне в спину.

Замираю, сжав в пальцах ручку двери.

– Ксюша, – сухо поправляю, смотря пустым взглядом в коридор. – Я для тебя Ксюша.

Он не отвечает, а я не настаиваю. Молча ухожу в спальню, где оборудовано рабочее место: перетащила из зала стол и компьютер, вызвала электрика, чтобы он разместил на стене бра с разными режимами освещения.

Я работаю дизайнером интерьеров в одной крупной компании уже четыре года. Должность мне нравится, проектов много, да и заработок хороший. И проблем с уходом на дистанционку не возникло, правда, я не стала в офисе распространяться о причинах столь необходимой перемены.

Сажусь за компьютер и открываю рабочую программу. А через несколько минут понимаю, что прислушиваюсь к звукам за пределами спальни.

Вот скрипит дверца шкафа, видимо, Руслан раскладывает вещи. Вот открывается дверь ванной и шумит вода.

Щелкает чайник на кухне. Микроволновка издает писк, но тут же умолкает.

Закрываю глаза, стараясь настроиться на рабочий лад, но тревога, поселившаяся внутри, не позволяет расслабиться и собраться.

Некоторое время тупо переключаюсь между папками, сортирую образцы мебели, перетаскиваю из угла в угол диван на модели комнаты заказчика.

А потом тишину нарушает тихий плач ребенка, который с каждой секундой становится все громче.

Сцепив зубы, продолжаю заниматься своими делами. Сейчас моя помощь не нужна. Руслан дома. Руслан справится сам.

Но ребенок плачет все громче. Ветров что-то ему говорит, кажется, даже колыбельную напевать начинает. Не помогает.

Спустя двадцать минут я сдаюсь. Сворачиваю вкладку и иду в зал, входя без стука.

Ветров расхаживает по комнате с сыном на руках. Оборачивается на звук открываемой двери и смотрит на меня с каким-то загнанным отчаянием.

– Что ему нужно? – спрашивает он. – Подгузник поменял, передел.

– А покормил?

– Разве пора? Врач говорила, что по времени нужно кормить...

Закатываю глаза и подхожу к машинке для детского питания. Вода уже подогрета, мне остается лишь отмерить нужное количество смеси и взболтать бутылочку.

Пробую температуру смеси на запястье и, убедившись, что все в порядке, протягиваю бутылочку Ветрову:

– Покорми ребенка и спаси наши с тобой уши и нервы.

Ребенок присасывается к бутылке с таким жадным всхлипом, что я не могу сдержать улыбку. Но вовремя спохватываюсь и выхожу из зала, возвращаясь в свою комнату. Задумчиво смотрю на наушники и подключаю их к компьютеру, погружившись в музыку.

Так проходит еще несколько часов. Судя по тому, что меня никто не отвлекал, Руслан смог совладать с голодным ребенком и все было спокойно.

Когда я заканчиваю с проектом, за окном уже начинает темнеть. Августовская жара спала, в приоткрытое окно то и дело врывается прохладный ветерок.

Выхожу из спальни и заворачиваю на кухню. Руслан сидит за столом с ноутбуком, в ухе телефонная гарнитура, он тихо разговаривает с собеседником, переключаясь между схемами и графиками.

Я достаю из холодильника кастрюлю с пловом и ставлю разогреваться. Быстро, стараясь не шуметь, нарезаю салат, делаю чай.

И уже поставив тарелки на стол, понимаю, что по привычке накрыла ужин на двоих.

В груди царапает досада. Но я стараюсь не показывать свое замешательство и сажусь напротив Руслана. Игнорирую его удивленный взгляд и начинаю есть, уткнувшись в смартфон.

Ветров прощается с собеседником, опускает крышку ноутбука и берет вилку. Молча начинает есть, но я чувствую его внимательный взгляд. От этого мне становится неуютно и я пытаюсь отвлечь его разговором:

– Тебе когда на работу?

– Завтра. Должен был в четверг, но Евгений Семенович попросил...

– Ясно. Мама так и отказывается разговаривать?

Он лишь кивает. Мы опять ужинаем в абсолютном молчании. Доев, я встаю, но еще до того, как разворачиваюсь в сторону раковины, Руслан роняет до боли привычную фразу:

– Оставь, я помою.

Киваю, ставлю посуду в мойку и иду в ванную, по пути заглянув в зал. Балконная дверь приоткрыта, в комнате довольно прохладно, я бы даже сказала, что зябко. Мысленно ругаю Руслана, закрываю балкон и заглядываю в кровать.

Ребенок спит, одетый лишь в бодик. Укрываю его тонким одеялом и зажигаю ночник. А потом замираю, рассматривая новорожденного. Он совсем крошечный, с темным пушком волос на голове и длинными ресницами. Можно ли сказать, что он красивый? Не знаю. Для меня ничего красивого в нем нет.

Иду к выходу и в дверях сталкиваюсь с Ветровым. Он смотрит на меня обеспокоенно, даже немного испуганно.

– Здесь было холодно, я... его укрываю, – поясняю и протискиваюсь мимо бывшего. Оглянувшись, вижу, что Руслан бросился к кровати и замер, вцепившись руками в бортики.

Хмурюсь.

Он что, думал, я причиню ребенку вред?

6

Всю ночь я ворочаюсь в постели и прислушиваюсь к тому, что происходит за стеной. Внутри все дрожит от напряжения, мне душно, неуютно, дискомфортно. Сна – ни в одном глазу. Одеяло раздражает, шум дороги с редкими проезжающими по ней машинами нервирует. Но окно закрывать не хочется, потому что лишь свежие порывы ветра приносят небольшое облегчение.

Руслан справляется. Трижды встает к ребенку, ласково разговаривает с ним, тихонько напевает колыбельную.

А меня душат злые слезы. Ветров – хороший отец. Вот только не для нашего малыша. Не я подарила ему наследника, не я выносила ему сына.

Лежу на спине, хмуро разглядываю тени на потолке и пытаюсь понять, когда наша с Русланом семья перестала существовать. Потому что даже сейчас не могу вспомнить ничего, что могло бы натолкнуть меня на мысль о неверности мужа. Наоборот, в последние месяцы все было таким... гладким... идеальным.

Все выходные Ветров проводил со мной. Мы гуляли по городу, заглядывали в бары и уютные кофейни. Ходили в кино и целовались на последнем ряду, словно наши отношения только-только начинались. Муж каждую неделю дарил цветы, в мае повез меня отдыхать в такой желанный Рим.

Постоянные поцелуи. Постоянные обнимашки. Милые подарки.

Неужели он просто пытался таким образом откупиться? Загладить вину? Успокоить свою совесть?

Когда, черт возьми, он успевал крутить роман со своей Лидой?

Что вообще подтолкнуло его к измене?

Мы ведь так и не поговорили. Когда я узнала... когда увидела те фото...

В тот вечер Руслана на пороге ждал чемодан с его вещами.

Он зашел в квартиру и сразу все понял. Я не спрашивала. Он ничего не сказал. Молча забрал чемодан и ушел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Не звонил.

Не писал.

Не пытался ничего объяснить, не оправдывался.

Через два дня я написала ему, что подала на развод, и получила в ответ сухое «Ок». Проревела несколько часов, не в силах осознать, что умерла надежда на то, что муж – любимый, драгоценный, такой родной муж, – мне не изменял.

Изменял. И уехал к ней. К той, кто подарит ему ребенка.

Но даже сейчас, вспомнив все это, я не могу найти в своей душе ни капли злорадства. Ненавидела ли я разлучницу? Вина ли ее? Да, господи, конечно да! Но я не желала ей смерти. Даже захлебываясь рыданиями, даже искував губы в кровь, даже задыхаясь от непрекращающегося потока слез.

Во мне нет жестокости. Я не могу радоваться смерти человека. Маленький человечек остался без матери. А Руслан... Не заслужил подобного.

Так и проворочавшись в кровати до самого рассвета, я встаю и иду на кухню, сварить кофе. Измельчаю зерна в пыль с помощью ручной кофемолки, привезенной из Рима, ставлю на огонь красивую турку, подаренную мамой Ветрова. Довожу до кипения, не сводя взгляда с густой пены, добавляю сахар и дольку апельсина.

Утренний ритуал, который всегда помогает мне взбодриться и настроиться на рабочий лад.

Еще настолько рано, что на улице стоит тишина, лишь изредка проезжают первые автобусы. Я открываю дверь на балкон, сажусь в небольшое садовое кресло, по привычке вскидываю ноги на перила и щурюсь от солнечного блика, отскочившего от окна в соседнем доме.

Прохладно. Грею ладони об кружку с кофе, делаю первый глоток крепкого напитка с легкой кислинкой.

Не знаю, сколько времени я сижу так, бездумно разглядывая улицу и деревья. В голове пусто, глаза пекут от недосыпа.

Вздрагиваю, когда дверь открывается и на балкон выходит Руслан. Он только что из душа, спортивные брюки низко сидят на бедрах, с волос стекает вода. Он не обращает на это внимание, закуривает, щелкая зажигалкой, и хрипло произносит:

– Доброе утро, Ксюш.

Я не смотрю на него. Просто киваю, уткнувшись взглядом в почти пустую чашку с кофе. Разглядываю прожилки на дольке апельсина, словно это единственное, что мне сейчас интересно.

Но я чувствую, что Руслан не отводит от меня взгляда. Смотрит пристально, *осязаемо*. Он стоит слева, прислонившись бедрами к перилам балкона. И мне кажется, что я могу в точности описать маршрут его глаз по моему телу.

– Мне пора собираться на работу, – вновь нарушает молчание он, с шумом выдохнув струю дыма. – Сегодня придет медсестра, помнишь?

Снова киваю. Губы сохнут, и я нервно их облизываю. А потом вспоминаю вчерашнюю реакцию Руслана и уточняю:

– Уверен, что хочешь оставить меня наедине со своим сыном?

Ветров молчит. Я, наконец, собираюсь с силами и поднимаю голову. Руслан пристально смотрит на меня. Изучающе.

– Да, – после короткой заминки отвечает, затягиваясь сигаретой.

– А мне так не кажется.

– О чем ты? – хмурится он.

– Вчера ты бросился к кровати проверять ребенка, словно... словно... – я втягиваю носом воздух. Легкие жгут от нехватки кислорода. – Словно подумал... допустил мысль, что я могу ему навредить.

– Да, – коротко отвечает Руслан. И кивает. Кивает!

От возмущения перед глазами начинают мелькать круги. Грудь сдавливает стальным обручем обиды.

– Серьезно, Руслан? Ты действительно...

– Вчера я испугался. Сегодня... Я доверяю тебе. – Он тушит сигарету о перила и оглядывается в поисках пепельницы. – А где...

– Я ее выбросила, – холодно отвечаю, встав и первой покинув балкон. Уже на выходе из кухни Ветров догоняет меня и хватается за руку:

– Ксюш... Прощу, только не сейчас!

– Что не сейчас? – голос звенит от негодования.

– Ты обещала помочь, – давит он. Мы смотрим друг другу в глаза несколько долгих мгновений. Карие глаза мужа почти черные из-за расширенных зрачков. Я опускаю голову, секунд десять разглядываю его пальцы на своем запястье и хмурюсь:

– Отпусти.

Он послушно отдергивает руку. Как мальчишка, пойманный за проступком, прячет ее за спину. И снова тихо произносит:

– Ты обещала.

– Я помню, Ветров. И в отличие от тебя, свои обещания я не нарушаю. Собирайся на работу и не дергайся, ничего с твоим сыном не случится. Я не такая сука, как тебе хотелось бы обо мне думать.

– Ксюш, – хрипит он мне в спину, но я безэмоционально бросаю:

– До вечера.

И прячусь за дверь своей спальни за секунду до того, как по щекам начинают струиться слезы.

7

Из комнаты я выхожу только после того, как за Русланом закрывается входная дверь. Несколько минут стою в коридоре, прислушиваясь к тишине и чувствую... пустоту. Будто в один миг квартира превращается в нежилое помещение, лишенное человеческого тепла и уюта.

Это мне уже знакомо. Именно пустоту я ощущаю последний месяц. Музыка и гул телевизора не спасают, безликие голоса не делают эти стены родными. Словно каждый раз, когда я переступаю порог своей квартиры, оказываюсь в изнанке мира, где нет никого, кроме меня.

Сейчас, после утренних событий, я понимаю, насколько опрометчиво поступила, согласившись на помощь Руслану. Дура. Мне больно видеть его. Больно слышать когда-то родной и любимый голос. Даже аромат его геля для душа полусует по рецепторам, как острый нож, вызывая физический дискомфорт.

Рядом с Русланом мне больно дышать.

Я заглядываю в зал, где царит полумрак. Шторы плотно задернуты, летнее солнце не может проникнуть в квартиру. Сын Руслана спит, повернув головку в сторону двери. Я даже вижу, как подрагивают длинные изогнутые реснички.

Тряхнув головой, захожу и забираю использованный подгузник и две бутылочки из-под смеси. Иду на кухню. Подгузник – в мусорное ведро, бутылочки – помыть и прокипятить. Затем быстро сооружаю легкий завтрак, действуя на автомате. И прихожу в себя только когда звонит мой телефон.

– Алло, – принимаю вызов от Ани. Зажав телефон плечом, ставлю тарелку с яичницей на стол и берусь за вилку.

– Ну как ты там? – слышу голос подруги, который смазывает шум транспорта и людских разговоров. – Не передумала?

– Нет, не передумала. Хоть и сомневаюсь в том, насколько правильно поступила, – признаюсь в мыслях, что не покидают мою голову последние полчаса.

– Никогда не поздно переиграть.

– Они уже здесь. Вернее, ребенок со мной, а Руслан уехал на работу.

– Ксюш, пощади свои нервы и отправь его к свекрови. Ты же мучаешь себя, я по голосу слышу, что еле держишься.

Вместо ответа я качаю головой, пусть подруга меня сейчас и не видит. Аня приглушенно ругается на светофор и вновь взывает к моему разуму:

– Между вами все закончилось. Ты не обязана ему помогать, Ксюш. Теперь он сам по себе и его проблемы – это *его* проблемы.

– Я не могу просто отвернуться от человека, которым дорожила несколько лет. Это не выключается нажатием кнопки, понимаешь?

– Скажи мне вот что... Ты помогаешь, потому что жалеешь бывшего муженька или потому что до сих пор испытываешь к нему чувства?

Я не знаю, что ответить. Открываю рот и теряюсь. Жаль ли мне Руслана? Да, конечно. Люблю ли я его?

Тоже да.

Я не сомневалась, подавая на развод. Понимала, что предательство не прощу. Да и, черт возьми, ему и не требовалось мое прощение, верно? Он просто приехал и забрал вещи. Не говоря ни слова, не пытаясь объяснить, не сопротивляясь моему решению.

Поэтому да, я до сих пор люблю этого человека. И эта любовь причиняет мне нечеловеческую боль, выворачивая наизнанку.

Но я не питаю надежд, что моя помощь Руслану вернет нашу семью.

Пытаясь вычленить из этой мысленной каши хоть какой-то приличный ответ, я вздрагиваю, когда слышу пока еще тихий детский плач.

– Проснулся. Ань, мне нужно идти, – сообщаю подруге. – Вечером созвонимся.

– Угу, – отвечает она и кладет трубку, но я понимаю, что потом она повторит свой вопрос еще раз.

Оставив завтрак нетронутым, я иду в зал и приближаюсь к кроватке. Плач становится громче и требовательнее, младенец дергает ручками и ножками, краснеет и морщится. А меня словно парализовало.

Нужно взять его на руки.

Успокоить.

Покормить.

В голове выстраивается четкий алгоритм действий. У меня есть опыт, разница с младшим братом почти четырнадцать лет. Я помогала маме и знаю, как вести себя с новорожденными, но...

Тело отказывается слушаться. Я сжимаю и разжимаю кулаки, пальцы при этом ощутимо дрожат. Черт, да каждую мышцу сотрясает внутренняя дрожь.

В груди – холодно.

Сын Руслана начинает вопить еще требовательнее. Я знаю, что сейчас он ничего не понимает, даже толком не видит меня, но на мгновение мне кажется, что орущий ребенок тянет руки *ко мне*.

В груди – пустыня.

Я не испытываю никаких эмоций. Меня не раздражает плач, мне не жаль его источник, я не хочу брать ребенка на руки, чтобы побыстрее вернуть тишину.

В груди – вакуум.

Растерянно моргаю, когда до меня доходит, что все это время я не дышала. Пожалуй, камень подвижнее и живее, чем я в этот момент.

Я тяну руки к младенцу и... сжимаю похолодевшими пальцами бортик кроватки. Срабатывает маятник, колыбель начинает чуть покачиваться. А во мне вспыхивает желание дернуть эту чертову кроватку на себя и вышвырнуть ее за дверь квартиры.

В груди – адское пламя.

Меня опять трясет, только теперь от ненависти. В первую очередь – к самой себе. Усилим воли я разжимаю пальцы и пячусь, пячусь, пячусь... Пока спина не проваливается в дверной проем, и я не оказываюсь в коридоре. Зажмуриваюсь, трясую головой, стараюсь привести себя в чувство, но перед глазами встает алая пелена.

С грохотом захлопываю дверь. Детский плач становится приглушеннее. Я снова могу дышать, красное зарево гаснет, перед глазами постепенно появляется цветное стекло межкомнатной двери.

А потом сын Руслана начинает орать во всю мощь своих маленьких легких, а через мгновение к оглушающему плачу присоединяется трель домофона.

8

– Вы чего такая испуганная? – удивленно смотрит на меня патронажная медсестра, когда выходит из лифта. Я пошире открываю дверь, и на лестничную площадку вылетают звуки отчаянного детского ора. Женщина лишь понимающе кивает и заходит в квартиру. – Первый ребенок? Ничего, скоро с первого писка будете понимать, чего ваше дите от вас хочет.

Я не отвечаю. В горле стоит комок из сдавленных рыданий, но я понимаю, что реветь перед незнакомой женщиной – дурацкая затея. Пока медсестра моет руки, я делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, старательно игнорируя плач ребенка и пытаюсь успокоиться.

– Пойдемте, посмотрим, в чем причина этих возмущений, – с теплой улыбкой произносит моя спасительница, как только вытирает полотенцем руки. Я, махнув рукой в сторону зала, плетусь за ней. – Я Ольга Владимировна, работаю с педиатром, на учете у которого вы с малышом будете стоять. Выписка была вчера?

– Да.

Кажется, женщину не смущает моя неразговорчивость. С любопытством осматривая комнату, она приближается к кровати и берет сына Руслана на руки. Тот всхлипывает, машет ручками и причмокивает губами. Ольга Владимировна сует ему соску, и ребенок начинает активно ее сосать, а через несколько секунд выплевывает и опять раздражается криком.

– Давно кушали?

– Не знаю. Да.

– Давайте я быстренько его гляну, а потом займусь документами. Кормите грудью?

– Нет, смесью.

Тень осуждения мелькает на лице женщины, но она быстро берет себя в руки. Вновь улыбается:

– Готовьте смесь и чистый подгузник, а то мы скоро оглохнем.

Я на автомате достаю подгузник из надорванной пачки и кладу его на журнальный столик, который Руслан отодвинул к стене. Иду на кухню, прихватив с собой банку со смесью, отмеряю нужное количество ложек, чуть подогреваю воду в чайнике. Память подкидывает жест, которым мама всегда проверяла воду для брата.

Выливаю несколько капель на запястье. Вроде теплая.

Когда я возвращаюсь в зал, Ольга Валерьевна уже осматривает ребенка, положив его на диван поверх тонкой пеленки. Правда, я не представляю, как можно сосредоточиться на осмотре, когда пациент орет чуть ли не благим матом и активно дергает всеми конечностями.

– Сколько по Апгару? – спрашивает меня медсестра, разглядывая родничок на головке, покрытой мелким пушком.

– Не помню. Он недоношенный.

– Да? – удивляется медсестра. – А такой крепенький, так и не скажешь. Ничего, сейчас откормите и устанете на руках его таскать. Горластый парень, этот своего не упустит.

Она быстро делает какие-то пометки в тетради, которую достает из своей сумки. Я же продолжаю стоять столбом в центре зала, до побелевших костяшек сжимая пластик бутылочки со смесью. В висках начинает стучать молотками, наваливается усталость и апатия. С равнодушием наблюдаю за тем, как Ольга Владимировна с ловкостью натягивает на ребенка подгузник и бодик, умудряясь периодически подсовывать младенцу соску, вылетающую из его рта каждые десять секунд.

– Все, садитесь, кормите, – старается ободрить она меня своей улыбкой, но у меня нет сил ей ответить, и я только киваю. Чувствуя, как холодеет в груди, опускаюсь на диван и принимаю младенца из рук медсестры. Не смотрю на него, не пытаюсь успокоить. Просто сдираю колпачок с бутылочки и сую ее ребенку.

От повисшей в комнате тишине хочется заплакать.

Облегчение.

– Не нужно кормить новорожденного строго по часам. Старайтесь придерживаться определенного временного промежутка, но морить голодом малыша все же не стоит, – мягко журит меня женщина. Киваю. Не говорить же ей, что я просто не могла взять ребенка на руки.

– Мне нужно заполнить бланк осмотра, а потом я расскажу, что делать дальше. Где документы?

Молчу. Моргаю. Ольга Владимировна терпеливо ждет, но я вижу, что она все больше начинает беспокоиться. Смотрит на меня настороженно. Облизнув губы, я все же нахожу силы выдавить из себя слабую улыбку:

– Простите, ночью плохо спала и ничего не соображаю. Документы вон в той красной папке, на комодке, – дернув головой, указываю подбородком направление.

– Ничего. Сейчас покормите, закончим дела и можете отдыхать. Малыш все равно после такого концерта будет дрыхнуть без задних ног.

Я опять фальсифицирую улыбку и опускаю голову. Смотрю на вспотевший лобик ребенка, на его прикрытые от удовольствия глазки и ярко-розовые губки, плотно обхватившие силикон соски. Наверное, со стороны кажется, что я люблюсь сыном.

Не знаю, почему я не говорю медсестре, что это не мой ребенок. Гораздо проще было бы признаться, что я просто нянька. Тем более, она сейчас увидит документы... Наверняка Руслан положил туда свидетельство о смерти Лиды. Хотя... успел ли он его оформить?

Медсестра тем временем садится в кресло и раскладывает на журнальном столике все необходимое. Берет чистый бланк и начинает его заполнять, что-то вписывая и расставляя галочки. Меня монотонность ее движений успокаивает, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не зевнуть. Да, я определенно должна поспать, осталось только проводить гостью и уложить ребенка.

Ольга Владимировна, словно прочитав мои мысли, ускоряется. Берет папку Руслана, щелкает кнопкой и достает бумаги.

– Так, это явно не то, что мне нужно, – смотрит она на меня через несколько секунд все с той же с неизменной улыбкой.

– В каком смысле?

– Посмотрите сами.

Она встает и подходит ко мне, протягивая извлеченные из папки документы. Это рабочие таблицы и графики Руслана, с кучей пометок от руки, с несколькими яркими стикерами и подчеркнутыми текстовыделителем строчками.

– Наверное, перепутали папки? Где я могу найти документы малыша? – спрашивает женщина.

9

– Ничего не понимаю... – невнятно лепечу и не отрываясь смотрю на документы Руслана. – Документы же были в этой папке...

– Ксения, давайте я подержу мальчика, а вы поищите, куда переложили? – уже более прохладно обращается ко мне медсестра. И тянет руки, чтобы забрать у меня ребенка, на что я реагирую совершенно неожиданным для нас обоих образом.

– Нет! – вскрикиваю и поворачиваюсь к Ольге Владимировне полубоком, закрыв собой ребенка, который все еще терзает бутылочку. Вижу, что женщина хмурится, и сразу же стараюсь загладить свою вину, мягко попросив: – Просто принесите, пожалуйста, мой телефон. Он на кухне, на столе.

Женщина внимательно смотрит на меня, но все же кивает и выходит из зала. Я прикрываю глаза, стараясь успокоиться и понять, что же произошло. Документы точно были в этой папке, ее мне Руслан протягивал вчера, когда только приехал.

Хотя...

Я ведь тогда не приняла папку из его рук. Он просто положил ее на комод. Внутрь я даже не заглядывала...

Слышу приближающиеся шаги медсестры и натягиваю виноватую улыбку. Встречаю Ольгу Владимировну уже более расслабленной. А сын Руслана как раз выпускает изо рта соску и, причмокнув влажными губами, закрывает глаза, погружаясь в сон.

Теперь я спокойно отдаю женщине ребенка, а сама беру в руки протянутый ею телефон. Пальцы чуть дрожат, ладони вспотели, но мне удается быстро найти номер Руслан.

Гудок. Второй. Третий.

Сбрасывает.

Следом прилетает сообщение: «У нас совещание, перезвоню позже».

Ну уж нет!

Набираю номер еще раз. И еще. И еще. Только через пять минут, когда Ольга Владимировна уже почти теряет терпение и начинает совсем серьезно прожигать меня взглядом, Руслан, наконец, отвечает:

– Да, что случилось, Ксюш?

– Руслан, я буду тебе благодарна, если ты станешь отвечать сразу! – не сдерживаясь, рявкаю я. И тут же опасливо кошусь на спящего младенца. Того будто и не смущает шум, продолжает сопеть с соской во рту. – В папке нет документов на... – глотаю «твоего сына» и выдавливаю: – Сашу. Медсестре они нужны.

– Ох, – реагирует муж. Правда, в его голосе нет особого удивления, не звучит досада или вина. И это меня настораживает. Почему его реакция звучит для меня так фальшиво? – Я, наверное, перепутал. Сейчас проверю, минуточку.

– Он проверяет, – смотрю на Ольгу Владимировну. – Кажется, забрал с собой на работу.

Медсестра кивает и заметно расслабляется, а я прислушиваюсь к звукам, которые доносятся из телефонного динамика. Руслан хлопает дверью, шуршит бумагами, что-то бормочет себе под нос, но я не могу разобрать ни слова. А затем он с облегчением выдыхает:

– Да, они у меня, прихватил вместо своих таблиц.

– Ты можешь их привезти сейчас? – спрашиваю, зажмурившись от волны спокойствия, когда слышу его ответ. Все ему нашлось логическое объяснение. Моя паранойя не подтвердилась.

– Дай трубку медсестре.

– Зачем? – сушит губы отрывистый вопрос.

– Ксюша, передай телефон медсестре. Пожалуйста.

Мне хочется высказать ему все, что сейчас клокочет в груди. Черт возьми, я не голубиная почта! И не обязана краснеть перед незнакомой мне женщиной за ошибки человека, к которому более не имею никакого отношения!

Однако ситуация и так становится слишком идиотской, поэтому я давлю протест, срывающийся с губ, и протягиваю смартфон патронажной медсестре. Та мгновенно прикладывает динамик к уху:

– Да, здравствуйте. Добрый день. Да, из поликлиники. Ольга Владимировна. – Она замолкает и внимательно слушает Руслана. С каждой секундой выражение ее лица становится все суровее. – Послушайте, Руслан Алексеевич, мне нужно заполнить бланк осмотра и отчитаться перед педиатром и заведующей. – Пауза. – Руслан Алексеевич, поймите меня правильно, я прихожу на вызов, а здесь малыш без документов. Да, иногда родители не успевают все оформить, но в таком случае у ребенка хотя бы выписка есть. Мальчик, по словам вашей жены, недоношенный, мне нужно посмотреть, как прошли роды, донести информацию до педиатра... Нет, я понимаю. – Еще одна пауза, уже длиннее. – Хорошо, вы можете прислать мне фото? Садится? Ох, не знаю... Хорошо. Ладно. Но если к пяти часам вы не привезете документы в поликлинику... Ладно, всего доброго. Да, до встречи.

Ольга Владимировна отдает мне телефон, но Руслан уже бросил трубку. Я закусываю губу от досады, потому что у меня есть несколько вопросов, которые очень хочется озвучить.

– Все нормально? – спрашиваю я у женщины. Она кивает и начинает собирать свои вещи.

– Ваш муж привезет документы в поликлинику. И он просил передать, что у него садится телефон, поэтому в случае чего звоните на рабочий. – Медсестра вырывает из блокнота листок и быстро что-то пишет. – Это мой номер, номер поликлиники и педиатра. Если будут вопросы – звоните, не стесняйтесь. Я наберу вас через несколько дней, скажу, когда придти на осмотр. Малыша нужно показать неврологу, поэтому не затягивайте с этим, хорошо?

– С ним что-то не так? – с опаской спрашиваю я, машинально взглянув на... предмет нашего разговора.

– Нет, здоровый мальчик. Но невролог в случае преждевременных родов – нормальная, стандартная практика. Поэтому ждите звонка. И еще...

Следом она выдает ворох информации о купании и прочих гигиенических процедурах, но я слушаю ее вполуха. Киваю болванчиком, изредка вставляя: «Угу», а затем провожаю женщину до двери. И лишь щелкнув замком, приваливаюсь к стене и выпускаю из легких спертый сомнениями воздух.

Из головы не выходит эта ситуация с документами. Почему Руслан не проверил, то ли он мне оставил? Почему не удивился, когда я позвонила? Почему просто не скинул фотографии, тем самым облегчив себе задачу и устранив необходимость заезжать в поликлинику? Действительно ли у него сел телефон? Боже, неужели в офисе нет ни одного человека с подходящим кабелем для зарядки?

Я стараюсь успокоить себя, убедить, что ничего страшного не случилось, обстоятельства действительно могли сложиться вот таким нелепым образом. Но...

Я хорошо знаю своего мужа. Он всегда внимательно относится к обязанностям и делам. И предпочитает сто раз проверить, прежде чем сделать.

Ещё пару месяцев назад я бы безоговорочно поверила мужу, посмеявшись над его забывчивостью.

Но сейчас...

Мог ли Руслан в этой ситуации недоговаривать?

И если да... Зачем ему это?

10

Весь день для меня проходит как в тумане. Я не могу сосредоточиться на делах, не в силах заниматься работой. Раз за разом прокручиваю в голове ситуацию с документами и пытаюсь найти ей логическое объяснение. Избавиться от подозрений и не накручивать себя, потому что понимаю, что до добра это не доведет. Внутри и так все гудит от напряжения.

Мне действительно удается немного поспать после ухода медсестры. Организм, несмотря на волнение, требует отдыха и я вырубаясь почти моментально, стоит только положить голову на подушку. Спать решаю в зале, чтобы в случае чего услышать ребенка.

Вот только просыпаюсь я задолго до того, как сын Руслана начинает хныкать. Лежу на диване, рассматриваю узор на обоях и задыхаюсь. Постельное белье пахнет мужем. Бывшим мужем, конечно. Но от этого аромат становится еще более раздражающим.

Смотрю на часы и понимаю, что удалось вздремнуть не более часа. В мыслях нет никакой четкости, глаза режет от недосыпа, но голодное урчание в желудке заставляет подняться и пойти на кухню. Там на автомате доедаю свою утреннюю яичницу и выпиваю холодный кофе. Распахиваю балкон, чтобы запустить в квартиру немного свежего воздуха. Жара только начинает набирать обороты, но солнце уже с другой стороны дома, и явного пекла я не ощущаю.

Сын Руслана просыпается примерно через полчаса и сразу требует внимания. Я с опаской подхожу к кроватке, но паники больше не ощущаю. Быстро переодеваю ребенка, меняю подгузник...

И неожиданно злюсь.

Все происходит в абсолютной тишине. Я не говорю ни слова, и от этого накачивается чувство вины. Я помню, как мы всей семьей постоянно болтали с младшим братом. Пели песенки, агукали, просто ласково что-то рассказывали.

Сын Руслана тоже заслуживает подобного обращения. Это маленький, недавно родившийся ребенок, с ним важно общаться.

А я не могу.

Неужели Ветров об этом не подумал? Неужели надеялся, что я стану ухаживать за его сыном, как за родным? Как за *нашим*?

Ребенок издает хныкающий звук и пускает пузыри. Его взгляд замирает на моем лице, но не фокусируется на нем. Я для этого человечка – смутное, молчащее пятно, источающее неприязнь. И он это чувствует.

Младенец начинает капризничать. Дергает руками, отчаянно пытается ухватиться за что-то, что видно только ему. Вновь булькает пузырями и заливается плачем.

От предложенной бутылочки он отказывается сразу: выплевывает соску и продолжает орать. Крики набирают обороты, и я, закусив губу и нахмурившись, все-таки беру его на руки.

Не из-за необходимости перенести или переодеть, а чтобы успокоить.

Стоит сыну Руслана оказаться у меня на руках, наступает тишина. Он прижимается щекой к моей груди, закрывает глаза и мерно дышит. Не спит, а словно... прислушивается ко мне и своим ощущениям?

Я делаю пару кругов по залу, напевая под нос незамысловатую песенку. Простой мотив, который успокаивает и младенца, и меня.

В груди щемит. Мы с этим младенцем слишком похожи. Брошены, забыты, оставлены. У него сейчас есть только я. Не испытывающая к нему любви и нежности, не желающая быть с ним, не способная о нем заботиться.

Я гоню все эти мысли и перекладываю сопящего ребенка в кроватку. Оставляю дверь открытой и ухожу в свою комнату, чтобы сесть за работу. И вот в этот момент понимаю, что сегодня в моей голове нет места проектам.

Беру телефон и набираю номер Руслана. Несколько попыток – и такое же количество ответов механическим женским голосом: «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Пару раз порываюсь набрать рабочий номер, но осекаю себя. Маловероятно, что Ветров станет отвечать на мои вопросы, зная, что разговоры прослушиваются службой безопасности.

Для себя я уже все решила. Я попрошу Руслана забрать сына и исчезнуть из моей жизни. Как он и обещал.

Я пожалела его. Прониклась ситуацией, забыв о собственных чувствах. Действительно хотела помочь, но переоценила свои силы и выдержку. За месяц ухода за этим ребенком я свихнусь. Превращусь в сумасшедшую истеричку и потом очень долго буду восстанавливаться.

Нет уж, пора подумать о себе.

Больше никому.

Пока слепо клацаю по папкам на компьютере, непрерывно поглядываю на часы.

Обед.

Доедаю остатки вчерашнего плова и кормлю сына Руслана.

Три часа.

Вновь кормлю ребенка и меняю подгузник.

Десять минут стою с ним на балконе, старательно избегая солнца. Не знаю, зачем вышла сюда. Ноги просто сами вынесли меня на свежий воздух, пока я прислушивалась к мерному посасыванию смеси из бутылки.

Пять часов.

Руслан уже должен ехать домой. Слушаю мерный бубнеж телевизора на кухне и жарю котлеты. Проговариваю заготовленную речь, стараясь отследить, чтобы мой голос звучал максимально твердо.

Шесть часов.

Я снова набираю номер Руслана. Отвечает мне неизменный механический голос.

Семь часов.

За окном постепенно сгущаются сумерки. Телефон Руслана до сих пор выключен.

Я звоню на ему на работу, но и там никто не берет трубку – рабочий день окончен, в офисе уже никого нет.

Ловлю себя на мысли, что не злюсь, а волнуюсь. Ну нет у меня ощущения, что Руслан загулял, бросил на меня ребенка и занимается своими делами. Почему-то не покидает ощущение беды. Что-то случилось.

Возможно, я просто хочу так думать. Оправдывать. Даже сейчас, зная, что Ветров вовсе не тот идеальный мужчина, образ которого давно был сформирован в моей голове. Или же это пресловутое предчувствие, объясняемое связью, что образовалась между нами за проведенные вместе годы?

Когда из зала доносится приглушенное хныканье, я продолжаю стоять посреди кухни, слепо уставившись в экран телевизора. Начинается новый виток разборок между двумя неблагополучными семьями, которые пришли выяснять отношения на федеральный канал.

Нужно сдвинуться с места и подойти к ребенку. Взять себя в руки. Не рваться обзванивать больницы из-за задержавшегося с работы *бывшего* мужа.

Мне требуется несколько минут, чтобы сбросить оцепенение. Медленно переставляя ноги, захожу в зал, шелкаю выключателем и тут же ругаю себя: слишком яркий свет люстры наверняка неприятно ударил по глазам уже горляющего во всю глотку младенца.

Вот только стоит мне подойти к кровати, и все мысли опять пробкой вылетают из головы. Сын Ветрова бледный, лобик покрыт испариной, а ручки посиневшие.

Я дотрагиваюсь до него и тут же одергиваю ладони, словно обжегшись.

У малышка жар.

11

Минуту я пребываю в ступоре. Щупальца ледяного страха опутывают мое тело. В груди давит и становится холодно. Я вздрагиваю. И это становится спусковым щелчком. Сбросив с себя оцепенение, пулей лечу на кухню, хватаю телефон и набираю номер мамы.

Она берет трубку уже на втором гудке.

– Да, Ксень, привет. Как дела? – слышится улыбка в ее голосе.

– Мам, – понимаю, что звучу слишком испуганно и позволяю себе сделать глубокий выдох, чтобы взять себя в руки, – привет, срочно нужен твой совет. – Выключаю телевизор и торопливо возвращаюсь в зал, где кричит сын Руслана.

– Что случилось? – мгновенно напрягается мама. – И что это за звук? Ребенок плачет?

– Потому и звоню, мам. Скажи, что делать, если у младенца температура?

– Какая температура? Какой младенец?! Ксюш...

– Мам, не сейчас, – обрываю ее резко, попутно пытаюсь подsunуть Саше соску. Он, на удивление, принимает ее и затихает, прикрыв глаза. – Ответь на вопрос, пожалуйста.

– Температура высокая?

– Не знаю. Он вспотел и очень-очень горячий.

– У маленьких детей сильный жар может привести к судорогам. В таких случаях нужно вызывать скорую, дочь.

– А они смогут сделать что-нибудь, если у меня нет документов на ребенка?

– Ксюша, – повысив голос, обращается ко мне мама, – что происходит? Откуда у тебя болеющий младенец без документов? Боже... Это ребенок Руслана? Вы что... Ты простила его?

Я поджимаю губы, не зная, что ответить. Я рассказала родителям про смерть Лиды, но признаться в том, что согласилась помочь Руслану, не смогла. Не хотела выслушивать нотации отца по поводу моего неразумного поведения и слабохарактерности, была не в силах видеть жалость в глазах матери.

– Я перезвоню, – принимаю решение прервать разговор и кладу трубку. Еще раз набираю номер Руслана, но его телефон до сих пор выключен. На часах уже половина восьмого, где его черти носят?!

Саша выплевывает соску и опять начинает плакать, но эти звуки уже не сравнить с его обычным ором. Тихие, слабые, хриплые всхлипы, словно ему не хватает воздуха и сил.

– Твою мать, Ветров!

Я не могу подобрать слов, какое отчаяние сейчас испытываю. Быстро беру ребенка на руки и начинаю баюкать, а в животе узлом сворачивается тревога. Саша горячий как уголек и дрожит.

Нервно расхаживаю по комнате, пока набираю номер скорой помощи. Диспетчер отвечает почти мгновенно, и это немного успокаивает меня.

– Девушка, у новорожденного высокая температура. Поднялась очень резко. И мне кажется, что дыхание затруднено.

Приятный женский голос задает мне несколько уточняющих вопросов, но я сомневаюсь, что дала на них вразумительные ответы. Поэтому с облегчением диктую адрес и жду врачей, попутно выполняя указания диспетчера, которые она диктует напоследок.

Снимаю с Саши боди и подгузник. Даю ему немного попить. Обтираю мягкой пеленкой, смоченной в теплой воде. И говорю, говорю, говорю...

– Ничего, сейчас станет легче, малыш. Не засыпай, ладно? Сейчас приедет доктор и скажет, что же с тобой такое случилось. Как тебя угораздило, а? И где носит твоего папу, интересно? Не знаешь? Я тоже не знаю... Ну-ну, – хмурюсь, когда малыш начинает хныкать. – Не реви, будет еще хуже. Давай, песенку послушаешь?

Произношу все, что вертится на языке и сама расслабляюсь. Сашка затихает у меня на руках и будто прислушивается. Дует губы и морщит носик, но никак, естественно, не отвечает. Впрочем, мне достаточно и того, что он хотя бы не плачет.

Выдыхаю от облегчения, когда звонит домофон. С момента моего разговора с диспетчером прошло не более десяти минут! Впускаю врачей, провожаю в зал. Два молодых парня выглядят уставшими, но внимательно слушают мой лепет и, кажется, даже все понимают.

– Я измерю температуру и поставлю укол. Никит, возьми документы на себя, – обращается к напарнику тот, кто выглядит чуть постарше. Второй врач смотрит на меня:

– Паспорт, свидетельство...

– Эм... – запинаясь я. – Я не мать ребенка.

– Та-ак, – напрягается первый мужчина. – А где его родители?

– Мать умерла при родах, отец на работе. И уехал с документами Сашки... – с каждым словом лица врачей становятся мрачнее, а мой голос тише.

– Мы не можем оказать помощь ребенку без его родителей, – начинает первый мужчина.

Я задыхаюсь от возмущения:

– В каком смысле? А если случай серьезный? У Сашки жар, он дрожит весь!

– Послушайте, нам требуется присутствие родителей. Ни я, ни мой товарищ не хотим рисковать своей работой. Звоните отцу.

– Он не берет трубку! – выкрикиваю я. Зажмурившись, глотаю набежавшие слезы. Все тело сотрясает нервная дрожь, словно это у меня сейчас температура, а не у Сашки. Открываю глаза и умоляюще смотрю на врача: – У меня же есть паспорт. Я могу подтвердить свою личность...

– А если вы этого ребенка похитили? – встревает второй парень.

– Никита, – хмуро обрубает его напарник, а после обращается ко мне: – Я поставлю укол, чтобы избежать серьезных последствий в виде приступа. А вы звоните отцу малыша. Мы не повезем ребенка в больницу без документов. Запрещено.

– Это абсурд, – шепчу, но все же киваю, соглашаясь. Вновь и вновь набираю номер Руслана и слушаю опостылевший до чертиков механический голос автоответчика. В это время врачи занимаются Сашкой. Тихо спорят друг с другом, но укол все-таки делают. Я закусываю губу, когда маленькая игла протыкает тоненькую кожу малыша, а он даже не хнычет. Лишь недовольно сводит бровки и издает слабый писк, больше похожий на мяуканье.

– Ждем пять минут, – сухо говорит первый мужчина и засекает время, посмотрев на часы, что украшают его запястье. – Дозвонились?

– Нет, – безжизненно отвечаю и включаю громкую связь, чтобы врачи лично убедились, что вызываемый абонент – не абонент.

– Как так получилось, что документы не при вас? – с любопытством спрашивает второй, Никита. Тот самый, что заподозрил меня в похищении Сашки.

– Папки перепутали, – стараюсь отвечать спокойно, но губы дрожат, а голос то и дело срывается. – Медсестра патронажная сегодня приходила и вот...

Не знаю, зачем выдаю эту информацию. Просто испытываю острую необходимость хоть как-то нарушить заполнившую комнату тишину. Врачи переглядываются, а потом Никита спрашивает:

– Медсестра маску надевала?

– Что? А, нет, кажется, маски не было. – Подвисяю на пару секунд, а после киваю, уже довольно уверенно: – Точно не было.

– Как всегда, блин, – вздыхает первый доктор. Смотрит на часы и достает термометр. Измеряет температуру у Сашки и довольно отмечает: – Снижается. Мой вам совет – ищите папашу с собаками и везите ребенка в больницу. И сразу предупреждаю – на следующий вызов бригада придет с полицией.

– По-хорошему, ее и сейчас нужно вызвать, мало ли... – бурчит его напарник. – Помнишь...

– Никит, хватит. Поехали.

Они встают и собирают свои вещи. Щелкает замок чемоданчика с лекарствами, и меня с головой накрывает волна паники. Что, если они сейчас уедут, а жар вернется? Если Руслан не появится дома в ближайшее время... Как мне быть?

– Всего хорошего вам. Можете не провожать, – кивает мне доктор. – И к совету лучше прислушаться.

– Хорошо, – покорно соглашаюсь и опускаюсь на диван, взяв Сашу за ручку. Крошечные пальчики тут же рефлекторно обхватывают мой большой палец, но малыш на меня не смотрит. Его головка повернута в другую сторону, внимание сосредоточено на люстре. Я же с радостью отмечаю, что больше Сашка меня не обжигает, температура действительно идет на спад.

Хлопает входная дверь. Я опять остаюсь одна. С больным ребенком на руках и монотонно бубнящим динамиком телефона. Перекладываю Сашку в кроватку и набираю номер свекрови. Быть может, Руслан заехал к ней?

Я звоню трижды. Все три вызова остаются без ответа. Мне все больше хочется метнуть смартфон в стену, как абсолютно ненужный предмет, который не помогает, а наоборот, отвергает меня в липкое болото страха.

Захожу в мессенджер и отправляю свекрови сообщение: «Добрый вечер, мам. Руслан у вас?»

Две серые галочки превращаются в голубые, рядом с аватаркой свекрови появляется надпись «online». Минуты тянутся одна за другой, но отвечать мне никто не торопится, а вскоре свекровь и вовсе покидает сеть.

Я звоню еще раз.

Еще.

Еще.

Безрезультатно.

Начинаю листать справочник, чтобы вычислить друзей Руслана, которые могли бы знать, где его искать, но в этот миг Сашка начинает кашлять. Я сразу подрываюсь и подхожу к кроватке с бутылочкой воды в руках. Дотрагиваюсь до малыша и начинаю плакать. От бессилия. Злости. Отчаяния.

Жар вернулся. А от хриплого кашля, разрывающего крошечные легкие, волоски у меня на затылке встают дыбом.

Хватит. Я не могу больше сидеть, сложа руки!

Достаю из нижнего ящика комода небольшую спортивную сумку и забрасываю в нее вещи. Хаотично, не разбираясь и не заботясь о компактности: подгузники, бутылочки, одежду, несколько пеленок, банку со смесью. Хватаю свои документы и попутно вызываю через приложение такси, выбрав пунктом назначения детскую больницу. Перекинув ремень сумки через плечо, натягиваю на Сашку подгузник и заворачиваю его в тонкую пеленку, чтобы вечерняя прохлада не причиняла малышу дискомфорт. В машине не замерзнет, а одевать опасно, он и так снова горит.

Выхожу в коридор как раз в тот момент, когда в замке поворачивается ключ. Ручка опускается, дверь распахивается, а мое сердце совершает радостный кульбит... и падает обратно куда-то в пятки.

Потому что на пороге стоит не Руслан, а мой отец.

12

– Так. Может, объяснишь мне, что здесь происходит? – вместо приветствия спрашивает меня папа. Я хватаю ртом воздух, совершенно не готовая к встрече с ним. Черт, только разборок с родителем мне сейчас и не хватало!

– Мама тоже приехала? – отвечаю вопросом на вопрос, посмотрев на него исподлобья.

– Нет, я посчитал, что ей лучше остаться дома. А то начнутся тут бабские слезы по заболевшему малышу.

– Мне нужно в больницу.

– Это сын Руслана?

– Пап...

– Ксения!

Прикрываю глаза. Медленно веду считаю до пяти. Смотрю на Сашку, притихшего у меня на руках, и стягиваю с себя сумку, передав ее отцу:

– Отвечу на все вопросы в машине. Отвези нас, пожалуйста, в детскую больницу на Суворова.

Папа молча забирает у меня сумку и распахивает дверь, пропуская меня на лестничную площадку первой. В лифте отменяю такси, испытывая чувство вины перед водителем. Ну не ждала я отца, не ждала! Мои родители всегда предпочитали не вмешиваться в мою жизнь, полагая, что смогли правильно воспитать дочь.

Видимо, сегодня эта уверенность пошатнулась.

В салоне папиного автомобиля пахнет родным с детства одеколоном и немного табаком. Я занимаю место на заднем сидении, сразу за водительским креслом и морщусь, когда понимаю, что из-за отсутствия автолюльки могут возникнуть проблемы.

Отца правила дорожного движения, видимо, не волнуют. Он садится за руль, чуть опускает стекла и заводит двигатель. Медленно трогает с места и выезжает на оживленный проспект, мгновенно встроившись в поток машин. Несколько минут тишины выкручивают мои нервы до предела, и я сдаюсь первой:

– Да, это сын Руслана. Он попросил помочь, пока не переведется на работу из дома.

– А тебе больше всех надо? – сурово произносит папа, не отрывая взгляд от дороги.

– А мне стало его жаль.

– Слабо верится. Ксюша, ты забыла, в каком состоянии была, когда он ушел к этой своей... – скрипнув зубами, папа явно смягчил определение, которое вертелось у него на языке: – новой пассии. Хочешь повторить?

– Мы не помирились. Я никого не прощала, да Руслан и не просил прощения. Это просто помощь. Милосердие.

– Идиотизм это, Ксень. Самой чистой воды идиотизм, – припечатывает папа. – Ты когда о себе думать начнешь? Вечно один Руслан в голове...

– Это не так! – злюсь я.

– Так. Универ бросила?

– Мы копили на свадьбу, нужно было деньги зарабатывать. И я хорошо зарабатываю, пап! С дипломом учителя русского и литературы я никогда денег таких и не увидела бы!

– Детей почему заводить не стали? Потому что Руслан не захотел!

– Вот сейчас это очень актуальный упрек, да?

– В Москву кто тебя тянул? – продолжает давить родительским авторитетом отец. – Напомнить, сколько вы там протянули, авантюристы? Почему младенец без документов?

Я растерянно моргаю от столь резкой смены темы. Нервно поправляю пеленку, в которую закутан малыш, и отвечаю, не поднимая глаз, боясь пересечься с папой взглядом в зеркале заднего вида:

- Руслан унес документы с собой. Папки перепутал.
- Мозги он свои перепутал. Вместо верхнего мозга давно уже нижним думает.
- Пап, хватит.
- Нет, не хватит. Ты не должна нянчиться с его сыном.
- Это было мое решение.
- Хреновое решение, дочь.
- Мы опять по второму кругу пойдем? – раздраженно вскидываю голову, но отец только

усмехается мне в ответ.

Мы едем по вечернему городу, удивительным образом объезжая все возникающие по пути заторы. Отец знает эти улицы наизусть, уже более двадцати лет за рулем, поэтому я не сомневаюсь, что до больницы доедем очень скоро. Тянусь к боковому карману сумки, чтобы достать телефон и вздрагиваю, когда в пальцы ударяет вибрация сообщения.

Руслан снова в сети! Я тут же набираю номер, но вспыхнувшая было радость испаряется с каждым новым длинным гудком. Ветров просто не берет трубку!

- Да твою ж мать! – шиплю сквозь зубы. Отец тут же реагирует:
- Что такое?

Мне не хочется давать папе очередной повод для недовольства ситуацией, но выбора нет.

- Руслан трубку не берет.
- Олень.

Я звоню Ветрову всю оставшуюся дорогу до приемного отделения детской больницы, но все мои усилия тщетны. На сообщения он тоже не отвечает, они попросту остаются непрочитанными. Сашка начинает хныкать, и мне приходится убрать телефон, чтобы освободить руки и успокоить малыша.

Приложив ладонь к маленькому лобу, убеждаюсь, что жар до сих пор есть, но хотя бы не усиливается. Это мало успокаивает меня, но помогает держать себя в руках и не скатываться в панику. Правда, глаза все равно жжет от соленой влаги.

Когда машина занимает свободное место на парковке перед дверями приемного отделения и мотор глохнет, папа оборачивается и сухо бросает:

– Ни слова. Говорить буду я. Как только вами начнут заниматься, поеду искать твоего благоверного.

– И где ты будешь его искать? – спрашиваю, чудом подавив всхлип, потому что горло словно тисками сжимает.

- Это не твоя забота, Ксюша.

В приемном отделении царит суматоха, то и дело слышится детский плач. Мелькают испуганные лица родителей и сосредоточенные – врачей. Отец твердым шагом идет к окошку регистратуры и отрывисто выдает сухие факты:

– Младенец, вчера выписали из роддома. Сильный жар. Скорая сделала укол, но температура поднялась снова.

– Он еще кашляет, – слабо пискнув, испуганно смотрю на папу. Он хмурится, но дублирует эту фразу девушке, которая отвечает за прием новых пациентов.

- Документы.
- Документы сейчас привезет отец.

– Не положено без... – заученно начинает отвечать девушка, но папа хлопает ладонью по стойке и гремит на весь коридор:

– Вы это перепуганным мамочкам рассказывайте. У ребенка сильный жар, требуется врачебная помощь. Документы будут позже.

– Я вам еще раз повторяю... – заводит свою песню собеседница отца, но он снова не дает ей договорить:

– Если сейчас же вы не начнете выполнять свою работы, завтра на столе заведующего окажется моя претензия с обвинением в отказе...

– Ой, пишите, что хотите, – машет рукой девушка и вглядывается в монитор компьютера, натянув маску безразличия. – Документы необходимы, чтобы оформить...

– Срать мне на ваши уставы и положения! – папа гаркнул так, что у меня в ушах закладывает. – Пишите расписку, что отказываете нам в приеме.

– Я? – испуганно смотрит на него цербер-регистраторша.

– Или зовите медперсонал, – улыбаясь, добавляет папа.

Девушка хмурится, что-то бурчит себе под нос, но к телефону руку все же тянет. Я отхожу от окошка регистрации и устало опускаюсь на жесткую скамью для посетителей. Мне не верится, что удалось избежать долгих споров по поводу отсутствующих документов. До последнего опасаясь, что папин выпад про расписку улетит в молоко, но уже спустя несколько минут к нам подходит медсестра и уводит в кабинет для осмотра грудничков.

Отец следует за нами по пятам. За руку здоровается с доктором, сидящим за столом в кабинете, и сразу кладет перед ним две пятитысячные купюры.

– Делайте анализы, кладите в палату. Документы будут в самое ближайшее время.

Врач хмурится, медсестра хмыкает, но продолжает заниматься Сашкой. Ребенок спокойно лежит у меня на руках, пока немолодая уже женщина ловко надевает для него пакетик для сбора мочи, а после колет палец для анализа крови.

Не говоря больше ни слова, папа покидает кабинет, и я остаюсь наедине с незнакомыми мне людьми, которые, впрочем, не выказывают какой-то неприязни. От запаха спирта и хлорки чуть ломит виски, яркое освещение режет по глазам, но я окончательно успокаиваюсь, понимая: здесь нам помогут.

Врач задает вопросы и я честно отвечаю на все. Признаюсь, что ребенок не мой, что его мать умерла при родах. Рассказываю про визит медсестры, описываю симптомы.

Медперсонал не выглядит удивленным. Видимо, на своем веку повидали уже самые разные ситуации. Но, когда врач выписывает Сашке укол и капельницу, он все же позволяет себе выдать предупреждение:

– Если к утру отец ребенка не привезет документы, мы будем вынуждены позвонить в полицию и вызвать органы опеки, Ксения Владимировна.

– Я понимаю, – киваю, выдав измученную улыбку. – Меня положат вместе с Сашей?

– Пока да, – сухо отвечает врач, не отрываясь от записей.

– У вас смесь с собой? – уточняет медсестра. Получив в ответ мой кивок, улыбается: – Я покажу вам, где взять воду для ее приготовления. Идемте. Василий Николаевич, в какую палату?

– А это у Ксении Владимировны нужно спрашивать, – смотрит на меня мужчина. – Общая или платная?

Я задумываюсь на несколько секунд и понимаю, что в общей палате вряд ли получится избежать неудобные вопросы.

– Сколько платить?

– Тысяча семьсот в сутки. Телевизор, холодильник, чайник, – рапортует медсестра.

– Давайте платную, – соглашаюсь, прикинув, что денег в кошельке точно хватит на пару суток.

Медсестра проводит меня по ярко освещенному коридору к лестнице, и мы поднимаемся на третий этаж. Сашка сонно хлопает глазками, но упорно отказывается засыпать, иногда пугая меня сухим кашлем.

В стационаре для грудничков уже выключен верхний свет. Коридоры пусты, лишь вдали мелькает форма санитарки, которая тихо позвякивает какими-то склянками. Из одной палаты доносится детский плач, на него тут же откликается другой ребенок.

Медсестра останавливается у двери в небольшом тупике и звенит ключами. Пропускает меня внутрь, щелкает светом.

Палата одноместная, чистая, хоть и с убитым ремонтом. На узкой односпальной кровати с тонким матрасом лежит подушка и стопка постельного белья. У окна с жалюзи стоит потрепанная жизнью детская кроватка, рядом – пеленальный столик и тумбочка с электрическим чайником на ней. В углу палаты разместился холодильник, на стене напротив кровати висит телевизор.

– Ужин вы пропустили, поэтому можно взять что-нибудь в буфете на первом этаже, он работает до десяти, – оповещает меня медсестра. – Только предупредите кого-нибудь, что уходите. И сильно не задерживайтесь. Купили, что нужно и сразу сюда. Завтрак вам принесут. Вода для смеси, – она пошире распахивает дверь, выглядывает в коридор и указывает куда-то, – вон там, в кулере. Все, располагайтесь.

– Спасибо.

Выдыхаю с облегчением, когда за спиной с тихим щелчком закрывается дверь. Бросаю сумку на кровать и кладу Сашу в кроватку. Следующие полчаса занимаюсь разбором вещей и кормлением малыша. В буфет не иду, вместо этого отправляю туда пойманную в коридоре санитарку. Она за небольшую плату соглашается принести мне воду и что-нибудь перекусить.

Санитарка возвращается через двадцать минут, когда я уже заканчиваю кормить Сашу и жду медсестру с капельницей. Ставит бутылку с водой на тумбу, кладет рядом со мной пластиковый одноразовый контейнер с салатом и какой-то пирожок, а затем оповещает:

– На входе в стационар тебя муж ждет. Иди, я присмотрю за малышом, а то он такой напуганный. Не дай бог удар хватит, мужики нынче слабые пошли...

Последнюю фразу я почти не слышу, потому что вылетаю из палаты и несусь по коридору с острым желанием убивать.

13

– Где ты был, Ветров?! – срывается с моих губ возглас, как только я нахожу глазами высокую фигуру у окна на площадке с лифтами.

Руслан оборачивается и смотрит на меня пустым взглядом, в котором мелькает отголосок вины. Опускает голову и молчит, пока я приближаюсь к нему и встаю напротив.

Секунда. Другая. Третья.

Судорожный вздох и тихий вопрос:

– Как Саша?

Ругательства, которые мне сейчас хочется обрушить на голову Руслана, застревают на полпути. Ветров выглядит абсолютно потеряннным и напуганным. Я никогда еще не видела его в таком состоянии.

– Ждем медсестру, чтобы поставили капельницу. Сейчас с ним санитарка, поэтому времени на долгие беседы нет. Где. Ты. Был? – чеканю вопрос, и от каждого слова он будто вздрагивает.

Только сейчас поднимает голову и смотрит мне в глаза. С невысказанным вопросом во взгляде, словно пытается что-то понять, уцепить в моем облике.

– Я отвез документы в поликлинику, потом заехал к матери. В прошлый раз мы сильно поругались, хотел помириться. Поставил телефон на зарядку и слушал нотации о том, как просрал свою жизнь. Такое тебя устраивает?

Я удивленно хлопаю глазами. Заехал к матери? И она не сказала ему, что я звонила и писала ей?

– Я же... Я же пыталась ей дозвониться. Писала! Она прочитала мои сообщения и даже не ответила!

Дыхание снова срывается, легкие обжигает от нехватки воздуха. Вопросы, которые я давно уже хочу задать Руслану, начинают разрывать мне голову, и это мешает сосредоточиться. Поэтому озвучиваю обезличенное:

– Что происходит, Руслан?

– Я не знаю, почему она ничего мне не сказала. Видимо, была слишком занята выполнением родительского плана по нравоучениям, – с сарказмом откликается Ветров, пожимая плечами. – Хотя мать прекрасно знает, что я уже давно сам себя сожрал.

– Я не об этом. Забыли про твою маму, к ней вернемся позже. Что за ерунда с документами? – мотаю я головой и делаю шаг вперед, вплотную приблизившись к мужу. И тут же, уловив запах, рассерженно шиплю: – Ты что, пил?!

Руслан сглатывает. Отступает, прислонившись бедрами к узкому краю подоконника, и складывает руки на груди. Защищается от меня. Отгораживается. Он всегда так делал, когда мы спорили или ругались. Выстраивал стену, молчал, копил в себе обиды, а потом обрушивал накопленное на меня. Оглушающим штормом, сбивающим с ног.

Вот только сейчас мне уже плевать на то, что у него там в душе происходит. *Сейчас* меня оглушают не его переживания, а мои. Я чувствую, что мной пользуются, ощущаю себя инструментом в его руках, и это категорически мне не нравится.

Я нуждаюсь в ответах.

– Мой вопрос не относится к твоей матери, Ветров, – жестко высекаю я. Повторяю уже озвученное, чтобы он понял – я не отступлю. – Объясни мне, что за катавасия с документами. Сейчас же.

– Ксюша...

– Нет. Убери эти успокаивающие нотки из голоса. Отвечай на вопрос.

– Нет никакой катавасии. Я просто перепутал папки, забрал на работу...

– Почему не согласился прислать фото? Медсестра же говорила, что их будет достаточно.
– Потому что у меня садился телефон! – повышает он голос, но, опомнившись, поджимает губы и добавляет уже тише: – Зарядку я тоже оставил дома.

– Ты понимаешь, насколько все это дурно пахнет? – спрашиваю, иронично усмехнувшись.

– На что ты намекаешь?

– О, я не намекаю, Ветров. Я говорю прямо. Ты просишь меня нянчить твоего ребенка от другой женщины и словно намеренно скрываешь любую информацию...

Руслан рывком хватается за свой рабочий портфель, который лежит на подоконнике, щелкает застежками и достает красную папку. Очень похожую на ту, что осталась лежать дома, с его графиками и таблицами по работе. Еще один щелчок, когда он расправляется с кнопкой, вырвав ее с мясом из алого пластика. И протягивает мне свидетельство о рождении на имя Ветрова Александра Руслановича.

Ощущаю пальцами гладкость бумаги, когда беру документ в руки. Сразу же смотрю в графу «Отец». Ветров Руслан Георгиевич.

Подписи. Печать. Все, как положено.

– Это мой сын. Я его законный отец. Довольна? – устало спрашивает Руслан. Сухо киваю, возвращая ему свидетельство, и задаю следующий вопрос:

– Вы с... Лидой не были женаты. Как ты доказал отцовство?

– Мы сделали тест ДНК, когда Лида была беременна. И заранее обратились в ЗАГС, чтобы написать совместное заявление, в котором она указывает меня отцом ребенка. Ксюша... – выдыхает он дрогнувшим голосом. – Я действительно перепутал папки.

Мы молчим, глядя друг другу в глаза. Тишину, которая повисла между нами нарушает только гул работающих лифтов и противный скрип от мерцающей над головой лампы. Я нервно потираю вспотевшие ладони и первой прерываю наше с Русланом молчание:

– Я пас, Ветров. Не могу.

– Что не можешь?

– Не могу выполнить данное обещание. Помочь.

– Ксюш...

– Нет, дай мне договорить. Я купилась на твои слезы и спектакль с падением на колени. Действительно вошла в положение и хотела помочь. Но все это для меня слишком. Мне тяжело. Я не выдерживаю. Сначала меня накрыло злостью и я не могла даже взять твоего сына на руки. Потом эта история с документами, от которой я чуть не поседела! Ты хоть представляешь, что я пережила, когда поняла, что у Саши жар, а я даже не знаю, могу ли рассчитывать на помощь медиков? – Делаю паузу и продолжаю смотреть Ветрову в глаза. Вижу, как они начинают блестеть. Руслан держится из последних сил. Ему больно, тяжело, страшно, но меня это больше не должно касаться. Не должно! – Сейчас я иду в палату и забираю свои вещи. С ребенком остаешься ты, Руслан. Ты его отец, ты должен его любить и заботиться о нем, понимаешь? Эта просьба о помощи... Она упрощает тебе жизнь, несомненно, но одновременно ломает психику мне и Саше. Да, он совсем крошечный, да, ничего еще не понимает. Но чувствует! Твой сын чувствует, что рядом с ним человек, которому, по большому счету, плевать на него! Найми няню, отвези ребенка к своей матери, в конце концов! Дай сыну тот уход, который он заслуживает. И прекрати измываться надо мной.

– Ксюша... – Руслан отталкивается от подоконника и подходит ко мне. Его пальцы обхватывают мои дрожащие ладони. Кожу в этих местах начинает покалывать, тело словно отвергает контакт с этим человеком, выдавая не эмоциональную, а физическую реакцию. По эмоциям как раз-таки... Пугающе пусто.

Я пытаюсь вырвать руки, отстраниться, но в который раз проигрываю сильной хватке мужских рук. Замираю. Впиваюсь взглядом в родное до боли лицо. Мы впервые так близко

друг другу с момента разрыва, и я теряюсь. Несколько хрупких стен, которые я выстраивала пару часов назад, репетируя этот разговор на кухне, начинают крошиться у основания.

И чувства возвращаются. Теперь горит не только кожа на ладонях, но и грудь. Подступают слезы, которые я стараюсь упорно проглотить. Не хочу показывать, что чувствую, не хочу давать Руслану еще один рычаг воздействия на меня.

– Пожалуйста, – хрипло прошу, отклонив голову назад, чтобы хоть так вырвать сантиметры дистанции. – Хватит, Руслан, отпусти.

– Ксюша. Я уничтожил свою жизнь. Я в аду. У меня, счастливого когда-то человека, не осталось ничего. И сейчас я стараюсь сделать так, чтобы найти в себе силы хотя бы просто *существовать*. Ради сына. – Руслан произносит все это сбивчиво, шепотом. Сильнее сжимает пальцы и в следующую же секунду отпускает меня, но не отходит. – Няня для новорожденного стоит дорого, у меня просто нет таких денег сейчас. Мама не хочет помогать. Я правда просил, умолял. Именно к ней и пошел в первую очередь. К тебе обратился только потому, что был в отчаянии. Был бы другой выход, хоть какой-нибудь, я бы воспользовался им, потому что понимаю, что не имею права просить о подобном. Месяц, Ксюша. Один месяц, и я исчезну из твоей жизни, клянусь.

14

– Нет.

Мой отказ тяжелым камнем падает между нами. Заставляет наши тела разорвать опасную близость, увеличить дистанцию.

Я быстро делаю несколько шагов назад и повторяю:

– Нет, Руслан.

– Я...

– Хватит! – не сдерживаясь, кричу. Из горла вырывается какой-то совсем детский, обиженный всхлип, и я прижимаю ладонь к губам, чтобы этого не повторилось. Мотаю головой, не смотрю на Руслана и добавляю уже тише: – Ты меня не переубедишь.

Ветров вздыхает и прячет ладони в карманы брюк. Я успеваю заметить, что его руки дрожат, но ничего не говорю. Даже стараюсь мысленно не цепляться за эту деталь, потому что понимаю: мне необходимо подавать, растоптать, уничтожить жалость. Она до добра не доводит.

– Я сделаю вид, что поверила в рассказ про визит к маме. Опустим тот факт, что тебе не пришлось в голову позвонить и предупредить меня о задержке, когда поставил телефон на зарядку. Забудем о том, что от тебя разит алкоголем.

– Я не лгу, Ксе... Ксюш. Если хочешь, могу набрать маму и ты сама ее спросишь...

– Ветров. Сейчас ты едешь домой. Утром я жду с вещами, ляжешь с Сашей вместо меня. После выписки исчезнешь из моей жизни, как и обещал. Наймешь няню. Все ясно?

Я выжидающе уставилась на Руслана, гордо задрав подбородок. Несмотря на то, что внутри все звенело от напряжения, старалась придать себе как можно более уверенный вид.

– Я заслужил, – отвечает муж, переводя взгляд куда-то в сторону. Хочется оглянуться и посмотреть, что он такое интересное увидел, но потом до меня доходит: Ветрову стыдно смотреть мне в глаза. Та часть меня, что до сих пор зализывает раны после предательства, ликует от радости. Упивается болью человека, который сделал мне больно. – Но я прошу тебя подумать еще раз, Ксюш.

– Ты издеваешься? Тебе нравится доводить меня до нервного срыва? Унижать? Руслан, ты бы стал ухаживать за моим ребенком от чужого мужчины?

Он вздрагивает, будто я его ударила. Смотрит не меня шокировано и молчит. Я расцениваю это молчание за ответ и разворачиваюсь, чтобы уйти, но Ветров вновь меня останавливает:

– Пожалуйста, Ксюша. Мне не найти сейчас няню. Только не сейчас!

– А в чем проблема? Мы не в деревне живем, уверена, что в городе-миллионнике есть нормальное агентство. И хватит меня уже трогать, Руслан! – сбрасываю его руку со своего плеча. Не обернувшись иду ко входу в стационар, но замираю, когда мне прилетает в спину:

– Я не могу сейчас оплачивать услуги няни. Нет у меня таких денег.

Оборачиваюсь и смотрю на Руслана с прищуром, скрывая свое удивление от услышанного:

– Я же перевела тебе половину денег за машину. Куда ты их дел?

На лице Ветрова отражается целая гамма эмоций: злость, страх, вина, обреченность. Он открывает рот, чтобы ответить, но спустя мгновение поджимает губы и кивает:

– Хорошо, я приеду утром. Если буду нужен – звони, телефон теперь всегда рядом со мной.

– Стоять! – в этот раз уже я хватаю его за руку, но удержать Руслана не получается. Он хватает свой портфель с подоконника, отталкивает меня и сбегает в сторону лестницы.

Какого черта происходит? Почему я перестала узнавать человека, за которого выходила замуж? С Руслана слетела маска или мы на самом деле настолько сильно отделились, что перестали понимать друг друга?

Мой взгляд падает на окно, у которого стоял Руслан. Оно выходит во двор больницы, прямо на ворота парковки. Подхожу ближе и замираю в ожидании.

Через пару минут вижу Ветрова. Он сбегает вниз по ступенькам крыльца и устало опускается на скамью. Хлопает себя по карманам, видимо, в поисках сигарет, но так и не достает их. Закрывает лицо ладонями и сидит неподвижно, сгорбившись и будто отключившись от окружающего мира.

Я знаю, что мне нужно вернуться в палату, и так уже прилично задержалась, но не могу заставить себя сдвинуться с места. Сердце с сумасшедшим ритмом лупит по грудной клетке, а глаза вновь затягивает пелена слез, потому что мне... больно.

Больно видеть Руслана таким. Больно ощущать пропасть между нами. Больно осознавать, что разрыв окончателен и необходим.

Больно, больно, больно!

Замахиваюсь, чтобы в сердцах ударить по стеклу, но мгновенно останавливаю себя. Сжимаю и разжимаю кулак, усилием воли отрываю взгляд от сгорбленной фигуры Ветрова и иду к себе в палату.

Только открыв дверь и переступив через порог, понимаю, что всю дорогу ревела. Санитарка, которая сидит на стульчике у кровати Саши, при виде меня вскакивает, щелкает пультом от телевизора, вырубая и без того тихий звук, и всплескивает руками:

– Ты чего ревешь, милая? Доктор что-то сказал?

Мотаю головой и плетусь к своей кровати. На Сашу даже не смотрю, потому что единственным осознанным желанием является пореветь в подушку.

– Муж гадостей наговорил? – не унимается санитарка. Я смотрю на нее, вновь отрицательно мотаю головой, сажусь на край кровати и... вздох рассказываю ей обо всем. Сбиваюсь, теряю детали, всхлипываю, размазывая слезы. Замолкаю лишь через некоторое время, впад в какое-то странное для меня оцепенение.

– Кошмар, – выдает на выдохе моя внимательная слушательница, хранившая молчание на протяжении всего монолога. – Я словно кино по «России» сейчас посмотрела.

Издаю нервный смешок. У самой ощущение, что моя жизнь превратилась в бездарный сценарий мелодрамы, которую я, будь зрителем, а не участником, высмеяла бы.

– Не реви, ясно? Тебе стыдиться нечего. Сердцу не прикажешь. Когда любишь человека – поможешь ему в любом случае, сколько бы боли он тебе не причинил. Потому что иначе поступить не можешь, по себе знаю, – улыбается женщина. Достает из кармана своего халата упаковку бумажных платочков и протягивает мне. Вытираю слезы. От истерики остались только сухие, судорожные всхлипы. – А муж твой... Не возьмусь судить, не имею права! Легко назвать человека козлом, рассудив по его поступкам, а что там за грудиной у него творится, в душе – одному Богу известно. Да и... Жизнь, бывает, такой финт выделывает, что не удивлюсь, если вы опять сойдетесь.

– Это невозможно! – категорично звенит мой голос, а затем я саму себя обрываю, покосившись на задремавшего Сашку. Санитарка перехватывает мой взгляд и вздыхает:

– Да уж... Какое примирение может быть с таким напоминанием о предательстве. Не смогу назвать и одну женщину, которая нашла бы в себе силы нагулянного ребенка воспитывать.

– Да причем тут это! – досадливо возмущаюсь я, правда, шепотом. – Руслан и не нуждается в моем прощении. Не просится обратно.

– А если бы просился?

– И как это? Он изменил. Предал. Обманул. Другой в любви клялся.

– А ты слышала? – хмыкнула женщина.

– Что именно?

– Как он в любви ей клялся. Девочка моя, ты молодая, взращенная на современных психологах и этих... тренингах... А жизни не знаешь. Бывает вцепится баба в мужика женатого, и он сам не поймет, как в койке с ней окажется, – морщится моя собеседница.

– Это как?

– Да разные ситуации бывают. Ты мне сейчас что сказала? Муж твой даже объяснять ничего не стал. О чем это говорит?

– Признался. Обрадовался, что самому не пришлось ничего объяснять.

– Нет, милая. Молчание твоего неблаговерного означает лишь то, что ничего ты о ситуации не знаешь. Домыслы одни. Твои домыслы, приправленные обидой и болью.

Смотрю на женщину, закусив губу. Внутри – буря протеста. И понимание того, что отчасти она права. Недавно же думала о том, что недосказанность между мной и Русланом висит грузом на душе.

Нет, я не хотела ковыряться в подробностях его романа. Мне хотелось получить ответ лишь на один вопрос – почему? Почему он, встретив другую женщину, заведя длительные отношения с ней, узнав, что она беременна, не пришел ко мне и не сказал правду? Зачем лгал?

– Только вот что я тебе еще скажу. Слышала, что встречаются мужчины, которые, раз изменив, раскаиваются и потом всю свою жизнь только на жену и смотрят. Слышала, да. Но не видела.

– Вы сами себе противоречите! То не виноват, она сама его соблазнила, то изменщик будет и дальше изменят.

– А жизнь такая и есть. Противоречивая, – качает головой санитарка и встает со стула. – Пойду медсестру потороплю, что-то она к вам не торопится.

Остаток вечера для меня пролетает очень быстро. С облегчением выдохнуть я смогла только после полуночи, забравшись под одеяло. И хотя день подарил массу нервозности, засыпаю я почти сразу, провалившись в темноту, которая только и рада новому гостю.

Видимо, Сашин организм нуждался в отдыхе, потому что он проспал до самого утра, ни разу за ночь не потребовав кормления. Зато в половину шестого поднял такой ор, что я, подорвавшись, едва не свалилась с непривычно узкой кровати.

Покормив малыша, пишу Руслану с вопросом, во сколько он приедет. Знаю, что раньше семи его в стационар не пустят, но все равно проверяю мессенджер каждые пять минут. И только после отправки сообщения вижу, что Ветров трижды писал мне после своего бегства, спрашивал, как мы с Сашей.

Сашка капризничает и отказывается слезать с рук, поэтому мне приходится ходить с ним по палате, чтобы дать остальным пациентам еще немного поспать.

Ровно в семь галочки на моем сообщении Руслану из серых превращаются в голубые. Ответное сообщение приходит через несколько минут, когда я уже срываюсь набирать его номер, боясь повторения вчерашнего.

«Как Саша? Приеду в девять».

«Температуру сбили, но кашель остался. Ждем утренний обход врача».

Он читает и не отвечает. Полагая, что как раз выезжает из дома, убираю телефон и принимаюсь за завтрак, который мне приносят в палату, как и было обещано.

В восемь сорок пять ко мне заходит вчерашний дежурный врач. Он уже переоделся в обычную одежду, но на плечи накинут халат.

– Кладите малыша на пеленальный стол, осмотрю перед вашим отъездом. Не знаю, что в голове у отца, но вы выглядите адекватной, поэтому постарайтесь обеспечить ребенку хороший уход.

– Погодите. Вам лучше дождаться отца Саши, это он с ним будет лежать, а я уезжаю, торопливо откликаюсь я.

– Та-а-ак. Он вам не сказал?

– Что именно?

– Отец Саши позвонил полчаса назад и попросил подготовить документы на отказ от лечения. Сказал, что за малышом будет ухаживать медсестра. В домашних условиях.

15

Сначала я не верю услышанному. Несколько мучительно долгих минут смотрю на врача в гробовой тишине и пытаюсь мысленно повторить сказанное им, переворачивая слова так и эдак.

Не помогает. Смысл не меняется.

Руслан отказался от госпитализации для Саши.

Какого черта?

– Вы же понимаете, что это... – запинаясь, пытаюсь подобрать нужное слово.

– Идиотизм? – приходит мне на помощь доктор. Отводит от меня взгляд и начинает осматривать Сашку, который спокойно лежит на пеленальном столике, перебирая в пальчиках край тонкой пеленки. Пару минут мы оба молчим, а потом заговариваем одновременно:

– Возможно, Руслан не понимает...

– Я не одобряю это решение, но сделать ничего не могу.

Захлопываю рот и смотрю на врача, позволяя ему продолжить. Он прослушивает малышу легкие, снимает стетоскоп и добавляет:

– Родители имеют право подписать отказ, если считают себя умнее врачей. Я заставить вашего мужа изменить решение не могу. Вы же можете попробовать.

– Но... Если вы не помните, мы разводимся. Это его ребенок. Исключительно его.

– Я понимаю. Но малышу нужно постоянное наблюдение, хотя бы еще несколько дней. Медсестрам из частных клиник я не особо доверяю, уж простите, – поджигает он губы. Немного сомневается, но все же заканчивает свою мысль: – Был печальный опыт.

Я вздрагиваю. В сознании вступают в схватку за главенство две мысли.

Это не мое дело. Болезнь Саши меня не касается.

Руслан творит непонятно что, нужно его остановить.

– А вы совсем не можете повлиять на ситуацию? Может, с недоношенными детьми есть какая-то иная процедура? – неуверенно произношу, глядя на ребенка.

– Недоношенность в его случае – понятие слишком громкое. Всего неделя раньше срока, высокая оценка по Апгару, крепенький, рослый.

– А кашель? Может, скажете, что у него проблема с легкими?

– Ксения, это обычная простуда, подцепленная от патронажной медсестры. Если бы малыш не был только после выписки из роддома, то я бы не переживал. Даже сейчас, – чуть улыбается врач, ловко справляясь с липучкой на подгузнике и передавая Сашку мне, – я больше подстраховываюсь, потому что в моей практике были разные случаи. Убедите мужа оставить малыша хотя бы на пару дней.

– Я не могу, – хмурюсь. – Он явно не хочет лежать здесь, а я отказалась. Это для меня слишком тяжело.

– Я понимаю ваши чувства. Но станет ли вам легче, если я ошибся в прогнозах и малышу после выписки отсюда станет хуже? – изогнув бровь, спрашивает доктор. Я молчу. Он хмыкает: – Вопрос риторический, можете не отвечать. Моя смена окончена, но я чуть задержусь, подожду нашего отчаянного папашу. Думаю, у вас есть время подумать?

Смотрю на часы, которые показывают восемь пятьдесят пять. Качаю головой:

– Руслан обещал приехать в девять.

– Что ж, – морщится мой собеседник, – я хотя бы попытался.

– Я... – Не знаю, что сказать. Понимаю правоту врача, но я же уже приняла решение. Это не мой ребенок! Не моя ответственность, боже!

Мужчина смотрит на меня в ожидании, что я продолжу, но я качаю головой и отворачиваюсь. Щеки обжигает огнем. Мне кажется, что в спину сейчас прилетит обвинение в трусости, малодушии, но тихий щелчок двери указывает на то, что врач вышел из палаты.

Смотрю на Сашку, который молча разглядывает потолок, удобно разместившись на моих руках. Видит что-то, что не видят взрослые. Хмурит бровки и шевелит губами, словно ведет с кем-то беседу.

Вспоминаю, как кто-то рассказывал народное поверье. Младенцы способны видеть своих ангелов-хранителей и общаться с ними какое-то время. Быть может, сейчас Саша жалуется своему на нерадивых взрослых, которым плевать, что с ним, совсем крохой происходит?

Боже. Прошли сутки. Еще вчера я истерично выскочила из комнаты, не желая брать этого малыша на руки, а сегодня боюсь за него.

Еще вчера я горела от ненависти, а сегодня сердце сводит от страха.

Еще вчера он был для меня ребенком, младенцем – чем-то обезличенным, – а сегодня я совершенно не задумываясь называю его по имени.

Сажусь на кровать, прислонившись лопатками к холодной стене. Стучаюсь об нее пару раз затылком, словно надеюсь, что это действие поможет мне разобраться в том хаосе, в который превратились мои мысли.

Уголки глаз начинают пощипывать злые слезы.

Ситуация – абсурд.

Я сижу в палате государственной больницы с чужим ребенком на руках. Приняла решение вырваться из карусели наитупейших событий, сжирающих мою нервную систему. И одновременно с этим сомневаюсь, правильно ли я поступаю.

Действительно ли Руслан поступает таким образом, чтобы иметь возможность работать? Или все это – очередная попытка продавить меня, сделать удобной, послушной его воли?

Он никогда не вел себя как безумец. Да, мог поступать опрометчиво, с запалом, но хотя бы прислушивался к моим советам. Не всегда им следовал, но все же...

Вздрагиваю, когда мой телефон начинает звонить, постепенно набирая громкость. Тянусь к смартфону неохотно, как в замедленной съемке, потому что уверена, что это Руслан, а я все еще не уверена окончательно, правильно ли веду себя в этой ситуации.

Но звонит не Руслан. Экран мигает фотографией папы.

Мысленно издаю стон. Не хочу слушать его нападки и нотации, знаю, что дура, знаю! Пока медлю, звонок сбрасывается, но папа сразу же перезванивает. И я отвечаю.

– Да, – выдыхаю в трубку хрипло, надсадно, как если бы в легких было мало воздуха. Впрочем, это не далеко от истины, дышу я отрывисто и поверхностно, в попытках не рухнуть в объятия паники.

– Ксюша, ты говорила с Русланом? – переходит сразу к делу папа. На фоне слышны звуки стройки: стук молотков, крики рабочих, треск сварочного аппарата. Значит, отец на работе. Интересно, почему он не позвонил мне вчера вечером?

– Да, он приезжал вчера, когда нас с Сашей уже положили в палату. И сейчас вот жду его с минуты на минуту. Пап, он...

– погоди. Я вчера ездил к его матери, когда хотел найти.

– И?

– И она сначала не брала домофон, а потом не открыла дверь, хотя я звонил минут десять. Сердце на секунду замирает.

– Может, ее не было дома?

– Нет, свет в окнах горел и я видел силуэт, когда она ходила по кухне, – вздыхает папа. – Потому я набрал Руслана и дозвонился сразу же. Он заявил, что уже едет в больницу и бросил трубку. Больше не отвечает. Ксюша, все это дурно пахнет.

– Пап, – всхлипываю я и инстинктивно прижимаю к груди Сашу, наяривающего соску, – он отказывается от лечения для сына. Я вчера сказала ему, что умываю руки, отказываюсь от данного обещания... Заявила, что в больнице с ребенком должен лежать он... А утро врач рассказал, что Руслан попросил подготовить документы на отказ от лечения. Якобы за малышом будет ухаживать медсестра.

– И чего ты реवेशь? – сухо спрашивает отец, но я улавливаю в его голосе нотки беспокойства.

– Он сказал, что у него нет денег на няню... Где он нашел средства для оплаты услуг медсестры? И врач... Говорит, что лучше хотя бы еще несколько дней полежать под наблюдением.

– Ты знаешь, что Руслан выставил на продажу свою квартиру? – выбивает из меня дух отец неожиданным вопросом.

– Н-нет, – ошарашенно отвечаю, запнувшись. Как так? Эта квартира досталась Руслану от деда, тот много лет отслужил в армии, стоял в очереди на жилье, потом собственными руками делал ремонт, мастерил мебель, которая стала его страстью после выхода на пенсию. После свадьбы мы хотели жить на той квартире, но офис Руслана переехал, и мы обосновались у меня, мужу было проще добираться до работы. – Откуда ты знаешь?

– Позвонил Палычу и попросил поискать информацию, – упоминает папа своего приятеля из правоохранительных органов. – Сегодня лично видел два объявления, номер указан Руслана. И приписка о срочности продажи, он даже миллион скинул ради такого дела.

– Я не понимаю... Зачем ему это? Почему так странно себя ведет?

– Ксюша, я бы хотел тебе сейчас посоветовать бежать оттуда подальше, но... Если Руслан вляпался во что-то нехорошее, то ты тоже под угрозой. Ты до сих пор его официальная жена. Банки, заемщики, коллекторы, да просто ублюдки какие-нибудь в первую очередь за тебя возьмутся.

– Ребенок его? Он показывал мне свидетельство, но...

– В этом плане все чисто, я попросил проверить в первую очередь. Было заявление в ЗАГС от него и этой Лиды. Ветров действительно отец и имеет все родительские права. Есть кое-что еще, что смущает нас с Палычем, но он обещал поискать тщательнее в самое ближайшее время. Олег, мать твою, разуй глаза! – прерывается папа, чтобы отчитать одного и своих сотрудников. – Я твоей жене потом на похоронах плечо подставлять не хочу! Ксения. Если Руслан сейчас возьмет ребенка и скроется – мы его и с собаками не найдем. Да и не изверг я, чтобы глаза на судьбу грудничка закрывать.

– И что ты предлагаешь? – безжизненно спрашиваю я. В ухо бьет тихое уведомление. Отвожу телефон в сторону и вижу мелькнувшее уведомление. Сообщение от Руслана.

«Я в ординаторской, собирай вещи, скоро буду».

Он даже сейчас не предупреждает меня о своем решении!

– Прости, пап, отвлеклась и прослушала, – вклиниваюсь во фразу отца. Он вздыхает и терпеливо повторяет:

– Играй по его правилам. Хочет, чтобы ты полежала в больнице с его сыном? Лежи. Пусть он никуда не срывается, думает, что все идет по плану, в чем бы тот не заключался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.